

Татьяна
Еришук
С

Лунная
дорога - 2

Дорога

Татьяна Герцик

Лунная дорога. Часть 2

«Дана Хадсон»

2019

Герцик Т.

Лунная дорога. Часть 2 / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2019 — (Дорога)

ISBN 978-0-4636-7558-8

Мария Кондратова учится на врача, как и мечтала. Но взрослая жизнь оказывается гораздо сложнее и даже опаснее, чем представлялось в беззаботной юности.

ISBN 978-0-4636-7558-8

© Герцик Т., 2019
© Дана Хадсон, 2019

Содержание

Татьяна Герцик	5
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	27
Глава четвертая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Герцик Лунная дорога. Часть 2

© Татьяна Герцик

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного использования.

Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора

* * *

Глава первая

Аудитория быстро опустела. Занятия окончились, все спешили по домам. Я тоже вытащила сумку, запихала в нее тетрадь и ручку, закинула ремень на плечо и двинулась к выходу. Жутко хотелось спать. Все-таки занятия после ночного дежурства в реанимации областной больницы не способствовали усердию в учебе.

Я выходила из помещения, не глядя по сторонам, и наткнулась на тощую бесформенную фигуру в обтягивающем свитере и черных джинсах, перегородившую мне дорогу. Опять эта Маквенко! И когда она халат снять успела? В универе всем положено ходить в белых халатах. Но есть, видимо, исключения. Внутренне я зашипела, как разозленная змея, но внешне, надеюсь, осталась равнодушной.

Маквенко училась с нами первый год, брала академ на третьем курсе. Хотя ничего особенного в ее жизни не произошло – она не болела, не рожала и вообще, по какой причине ей был дан академ, для всей нашей группы оставалось загадкой.

Хотя какая загадка? Мирослава была единственной доченькой той самой заместительши министра, с которой поругалась мама перед увольнением и отъездом в Москву. И, похоже, об этом доченька знала, потому что старательно клевала меня при каждом удобном случае. И при неудобном тоже.

А возможности у нее для этого имелись. Она была нашей старостой. До нее старостой был Венька Прохин, он за нас любому бы горло перегрыз и в обиду никому не давал. Мы им гордились, он парень серьезный, после армии, ответственный и порядочный. Но декан, выслуживаясь перед Маквенко-мамочкой, назначил старостой эту цацу, не спрашивая мнения группы, и теперь мы мучаемся от ее властолюбия целых полгода.

Вот и теперь она смотрит на меня снисходительным взглядом и язвительно так интересуется:

– Что, Кондратова, опять ночь не спала? Вся морда опухшая. Ты бы поменьше с мужиками по ночам зажигала, так и училась бы лучше.

Я молча обошла ее по дуге. Вот ведь стерва! Прекрасно знает, что все в нашей группе подрабатывают, кто где. Кто в больницах, кто в поликлиниках, кто в аптеках. Причем независимо от материального положения. Это только она белоручка.

Мне, в принципе, тоже можно не подрабатывать, отчим мне счет открыл с весьма приличной суммой, но опыт за деньги не купишь. Вот я его и набираю. Мне повезло, что мамыны коллеги взяли меня к себе. Я им очень благодарна за доброе отношение. Меня все опекают и от тяжелой работы стараются отстранить.

Какая самая тяжелая работа в реанимации? А это когда у тебя на руках умирает больной. Когда ты делаешь все, что можешь, и даже больше, но все равно зря.

В такие минуты моя начальница Власта Евгеньевна зверски ругается матом и сокрушенно заявляет:

– Что ж, видно, судьба у него такая. Видимо, он все, что было нужно, в этом мире уже совершил.

Она фаталистка. Верит, что чему быть, того не миновать. Ей легче. Я еще до такого смирения не доросла. Во мне все возмущается и болит. И я после такого еще долго сама не своя. Больно. Очень больно.

Маквенко вульгарно присвистнула мне вслед и захохотала. Вот ведь стерва! Интересно, кто у нее бабушки и дедушки были? Отца я знаю, он человек хотя и неприятный, но более-менее воспитанный. А вот мамочка ее, наша замминистра, похоже, из ссыльнокаторжных и их потомков. Но не царских, а современных. Попросту эзков.

Наш город, да и вся область, веками служили местом для ссылок и тюрем. Отсидев свое, куда уголовникам деваться? Правильно, осесть рядышком с местом заключения. Вот они и оседали, да и сейчас остаются главным образом в областном центре, потому что здесь прожить легче. Недаром область держит в России сомнительное первенство по преступности.

Отсюда и субкультура специфическая. С одной стороны высокая духовность, всегда полные театры, гастроли российских и мировых знаменитостей, с другой бесконечный мат на улицах, мусор и та особая атмосфера, что бывает только в зонах. Это когда твое платье может не понравиться какой-нибудь тетке запойного вида, и она обложит тебя таким трехэтажным матом, что только диву даешься.

Вот и Мирослава уж очень похожа на ту авантажную тетеньку. Поверхностный лоск у нее имеется, но такой тонкий, что под ним четко виден ядовитый оскал. Хотя это она только с группой такая, в большие начальники готовится, как маменька. Та тоже постоянно нос задирает и разговаривает с подчиненными, как надзирательница на зоне. Ну и черт с ними со всеми. Не позволяю этим шалавам портить мне настроение.

Выйдя на улицу, остановилась. Голова закружилась от свежего воздуха. Или, что вернее, от свежевыхлопных автомобильных газов. Универ стоял возле оживленной автомагистрали, поэтому весь спектр не слишком чистого городского воздуха студентам был обеспечен.

Села на автобус, приехала домой. И снова поежилась от неприятного ощущения чужого взгляда. Внимательно огляделась – никого. Почудилось? Но почему мне это чудится только возле дома?

Быстро заскочила в подъезд, пробежала по лестнице, открыла свою квартиру. Тщательно заперла дверь на ключ и еще собачку привесила. Береженого, как известно...

Все-таки как неуютно жить одной в большой квартире! Взгляд упал на полку для разной мелочи. Провела пальцем – пыль! Да, запустила я свой дом, запустила. Придется завтра устранивать внеплановую уборку. Все равно Новый год близко, нужно встретить его в чистоте, чтоб был удачным.

Родители звали меня с собой, они Новый год в Лондоне хотят встречать, но я отказалась. У меня дежурство в этот день. Я понимала, что коллеги просто хотели провести праздник с семьей, а я одиночка, поэтому ничего, в принципе, не теряю. Я не против – для меня это мелочь, хоть маленько смогу отблагодарить их за доброе отношение.

Перекусила, и хотела было уже завалиться поспать, как затрезвонил смартфон. Посмотрела – по виберу меня вызывал Панов. Эх, а я-то надеялась, что он уgomонился. Мы с ним периодически разговаривали, но в последнее время все реже. Я надеялась, что он нашел себе кого-нибудь, пора б уже, столько лет прошло.

– Привет! – Виктор радостно мне улыбнулся, а я чуть было не зевнула в ответ. Он заметил мой подавленный зевок и с сочувствием спросил: – Что, опять после дежурства? Устала сильно?

Я кивнула. Удобная вещь видеосвязь – можно и не говорить, все понятно без слов. Только вот выглядишь на экране гораздо хуже, чем в жизни. Но это мелочи. Соблазнять я никого не собираюсь, тем более Панова.

– Тебе вполне можно подрабатывать на полставки. Опыт у тебя будет. Зачем ты убиваешься по полной? – он никак не мог понять моего трудового энтузиазма.

– Витя, в нашей группе так работают все. Да и кому нужно полставочники? Мне и без того в отделении идут навстречу и не ставят смены на время учебы.

– Еще бы. Самые тяжелые смены, как я понимаю, ночные. Разве не так? – он продолжал придирается к моему образу жизни.

Я покачала головой.

– Ты не прав. Во время праздников – да. А так самое тяжелое время – раннее утро. Но в это время я уже ухожу на учебу. В ночную смену я и поспать успеваю. Я же не одна работаю.

Панов немного помолчал.

– Ты не хотела бы приехать на Новый год в Лондон? – он опустил взгляд и напрягся, будто читая сложный текст.

Что у него случилось? Какая-то неприятность? С чего он снова зовет меня к себе? Мы ведь решили, что больше приглашать меня он не будет. Правда, с той поры прошло три года, но тем не менее...

– Я дежурю в Новый год. К тому же меня звали в Лондон родители. Если бы я хотела, могла бы поехать с ними.

Он поднял печальный взгляд и кривовато ухмыльнулся.

– Понятно.

Я не выдержала:

– Витя, что стряслось? Ты какой-то сам не свой. У тебя все хорошо?

Он кивнул.

– Нормально. Только вот вокруг все чужое и все чужие. Скучаю. По тебе. По дому. По России.

Этого я понять не могла. Если скучает, то почему не приедет? Не ко мне, а к родителям? Вспомнив, что мать у него живет в Париже, а отец мотается по всему свету, прикусила губу. В самом деле, куда ему ехать? Где у него дом?

– Может, рвану в Москву в этом году. Там хоть знакомые есть. Друзья.

Да, у него проблемы бедного богатого мальчика. У меня тоже проблем полно, но хоть не такого свойства.

– Ну ладно, – он внезапно стал прощаться. – Я ведь вижу, ты сейчас заснешь. Так что пока, а то еще со стула упадешь, – неловко пошутил он и отключился.

Я недоуменно потерла лоб. И что это было? Обычно он болтает до упора, а тут какие-то пять минут, и уже все? Нет, у него точно что-то не в порядке. Может, отец разорился? Но Панов говорил, что у него свой счет в швейцарском банке и от родителей он не зависит. Тогда что?

Отправилась спать и крепко, без сновидений, проспала до утра. Но хоть проснулась до звонка будильника. Успела и поесть нормально, а не на ходу, как привыкла в последнее время, и даже душ принять. Краситься не стала, я это дело не люблю, да и к чему? Для всех моих сокурсников я замужняя дама, вот только муж у меня все по горячим точкам воюет, на приличное жильё зарабатывает.

На это уже никто внимания не обращает, кроме Маквенко. Ей никак мой статус замужней женщины покоя не дает, и она все пытается меня разоблачить. Хотя какое ей дело, замужем я или нет? Это все от излишней вредности. Ну и желание досадить присутствует. Недаром ее мамаше в свое время досталось за то, что она маму из больницы выжила. Ей вроде губернатор даже выговор влепил.

К сожалению, мой прогноз о том, что новый губернатор в области всю команду поменяет, не оправдался. Некоторые все-таки остались, в том числе и министр здравоохранения области. И все его приспешники. Я, как лицо заинтересованное – все-таки мне в этом супе вариться и вариться, – хотела, чтоб поставили кого-то более компетентного и независимого, но не судьба.

Пришла на занятия заранее, а не прискакала в последнюю минуту вся в мыле, как после ночной смены. У нас половина группы так приходит, что подедаешь – работать приходится главным образом по ночам.

По закону подлости первая, кого я увидела, была великолепная Мирослава.

– Ух ты! – фальшивый восторг сочился у нее изо всех пор, – кого я вижу! Кондратова! И даже причесанная! Вот чудеса! Неужто никого на эту ночь не нашла?

Отвечать на это бред я не собиралась, но тут Прохин неприязненно заметил:

– Маквенко, ты уже совсем от зависти сбрендил? – я и не знала, что он так говорить может. – Ты рядом с Машей себя зачуханной дурындой чувствуешь? Комплекс неполноценности выиграл? Так смотри, еще чего-нибудь заработаешь!

Группа враз его поддержала, и старостиха, злобно зыркнув на нас узкими глазенками, зашипела:

– Чего вы за нее заступаетесь? Шлюха она шлюха и есть!

И тут у меня в груди что-то шелкнуло, ударив в голову горячей волной. Я подскочила к ней и со всей силы залепила звонкую оплеуху. Она пошатнулась, схватилась за щеку и завопила. И тогда я врезала ей по другой щеке. Исключительно для симметрии.

Дальнейшее разбирательство проходило в кабинете ректора. И это было очень даже хорошо, потому что наш декан наверняка бы встал на сторону пострадавшей от моей тяжелой руки бедняжки и мне бы точно не поздоровилось.

Егор Андреевич видом Маквенко с опухшей физиономией, украшенной двумя моими вполне симпатичными отпечатками, не впечатлился. И выслушивать ее версию не стал. Со мной пришли Веня Прохин и Саша Веснина, вот они-то и изложили все, что произошло конкретно. Мирослава пыталась было донести до начальника свое видение событий, но ректор так на нее цыкнул, что она банально заткнулась.

Что ж, не все еще боятся ее скандальной мамыши.

Кончилось все тем, что нас с ребятами отпустили, а Маквенко оставили. Видимо, Егор Андреевич, не особо церемонясь, сообщил ей все, что думает о ее поведении, потому что она припелась посредине пары, угрюмая и злая, но уже с почти нормальными щеками, видимо, приложила к ним что-то холодное. С угрозой посмотрела на меня, обещая веселую жизнь, и села на свое место.

Нет, она меня в покое ни за что не оставит. Зря я все-таки сорвалась, не мой это стиль. Но и терпеть гадости тоже мочи больше не было. Что ж, теперь придется быть настороже в ожидании очередных подлянок.

– Ага, получила-таки по заслугам! – довольно прошептала мне соседка Вика. – Наш ректор вхож к губернатору, так что вполне может ее мамочке ротик-то заткнуть!

Я не сильна была в хитросплетениях местной политики, да и неприятно все это. Мне бы учиться спокойно и работать, чтоб не мешали. Но вот почему-то у меня возникло четкое предчувствие, что этого-то мне и не дадут.

Последним занятием была фармакология. Занудный Филипп Федорович, как обычно, своим невыразительным голосом усыпил всю группу, и даже самые педантичные из нас, конспектирующие все до последнего слова, хотя лекцию можно было записать на диктофоны, впали в своеобразный транс и смотрели вокруг мутным малосоображающим взглядом. Но, спасибо, отпустил группу сразу после прозвучавшего звонка, а не задержал минут на десять, чтоб закончить тему, как любит делать.

Вышла в коридор одной из последних, соображая, что купить домой. Или, может, заскочить перекусить в ближайшую кафешку, чтоб не готовить дома? Можно, конечно, и к родне на огонек заглянуть, но что-то не хотелось рассказывать о своих делах. Будут спрашивать, с чего я такая смурная, вдруг не сдержусь и проговорюсь о Маквенко? Нет, схожу в другой раз. Когда настроение будет получше.

Как я и думала, Маквенко поджидала в коридоре. Увидев меня, тут же подскочила и замахнулась, чтоб ударить. Я перехватила ее руку в жестком захвате, не зря же я всю школу художественной гимнастикой занималась, мускулы у меня не в пример сильнее, и тут услышала знакомый голос:

– Девушка, вы что, с ума сошли?

Мы с ней повернулись одновременно. Виктор! Я быстро поморгала, желая развеять нелепую галлюцинацию. Мы же с ним только вчера по виберу болтали! Он же в Лондоне должен быть!

Не поняв, к кому обращаются, Маквенко жалобно протянула:

– Ой, она меня сегодня уже избилла и вот теперь собирается ударить снова! – и при этом жадно осматривала Панова с ног до головы.

Я ее понимала. Виктор выглядел на все сто. Разворот плеч, внушительная мускулатура, властный взгляд серых глаз. Казалось, ничего на нем особенного одето не было, но одежда высшего качества ясно говорила, что мальчик весьма обеспечен. В общем, Мирослава тут же признала в нем своего.

– Кто? Маша? Если это так, то вы для этого немало потрудились. Это ж надо было ее до подобного довести!

Она обиженно выпятила нижнюю губу, но Виктор больше на нее внимания не обращал. Он сжал ее занесенную для удара руку, и та бессильно упала. Обхватив меня за плечи, повел прочь. Но моя чудная сокурница так просто этого оставлять не желала.

– Ты что, очередной Машкин хахаль? – презрительно бросила она ему в спину.

Виктор тотчас оставил меня и повернулся к ней.

– Кто-кто? Я? – это прозвучало у него так зловеще, что Маквенко сделала шаг назад, но сдаваться не собиралась. В самом деле, что он может ей сделать в коридоре, полном народа?

– А что, может, муж? – и она указала пальцем на мое кольцо.

Виктор с достоинством кивнул. В свое время я рассказала ему про свое мнимое замужество, он мою задумку одобрил и даже предложил свою кандидатуру. Естественно, я отказалась.

– Вас что-то смущает? – он посмотрел в глаза этой стервочке, не желающей сдавать свои позиции.

– Просто у этой вашей женушки столько кавалеров! – она понизила голос, будто выдавая страшный секрет.

У Виктора зло сузились глаза.

– Фамилия! – сурово потребовал он.

– Чья? – Мирослава не поняла вопроса.

– Твоя, естественно, чья же еще? – Панов был откровенно зол. Ух, похоже, придет еще время сочувствовать этой дурочке.

– Я Мирослава Маквенко! – с гордостью заявила она.

– Это твоя мамочка заместитель министра здравоохранения области? – он чуть наклонился к ней и явно не с добрыми намерениями.

– Да! – ответила она, чуть помедлив.

– Что ж, ей недолго оставаться в этом качестве, это я обещаю! – он отвернулся от обомлевшей дурочки, снова обнял меня за плечи и повел к выходу.

В раздевалке я надела шубку, сапоги, и мы вышли на улицу. Падал легкий снежок, искрящийся в свете фонарей. Воздух был морозный, свежий и бодрящий.

– Как здесь хорошо! – Панов поднял лицо, подставляя его падающим с неба снежинкам. – Ужасно соскучился по нормальной русской зиме!

– А в Лондоне зимы нет? – я знала про тамошние теплые зимы, но было интересно, что ответит он.

– Нет. Там вместо зимы наша осень. Слякоть и прель. В Шотландии в горах зимы есть, а в Англии нормальный снег – редкость. Гольфстрим, что ты хочешь, – обвинил он в непотребстве теплое течение, портившее погоду в Лондоне.

Я с вождением взглянула на вывеску соседней кафешки. Есть хотелось жутко.

– Сходим в ресторан? – искусительно предложил он. – Перекусим?

– Может, в кафе? – я кивнула на кафешку. – Это проще, да и ближе.

– Но не в это, – решительно воспротивился он. – Мне как-то довелось в нем поесть. Честно скажу – не в восторге.

Я не такая привередливая. Мне в этой кафешке есть приходилось много раз, и ничего, жива. Но спорить не стала.

– Как хочешь. А куда пойдем?

– Давай в итальянский ресторанчик заскочим. Мне там когда-то нравилось, – в его голосе проскользнула ностальгическая нотка.

До итальянского ресторана было ехать и ехать, если в пробке не застрянем. Вечер, дороги перегружены. Но Виктор призывно махнул рукой, и возле нас остановилась белая «тойота». До ресторана мы домчались за десять минут, объехав пробки по дворам. Водила попался еще тот. Получив от Панова деньги, подмигнул ему и укатил.

К моему удивлению, в ресторане еще были свободные места. Нас провели к довольно уютному столику возле окна. Я отметила, что с улицы ничего не было видно, окна казались завешенными плотной тканью, а изнутри улица была вся как на ладони. Я полюбовалась цветной подсветкой противоположного дома – красиво.

Виктор заказал себе много чего, а я несколько итальянских салатов: очень люблю салаты и легкий десерт.

– Шампанского не хочешь? – что он собрался праздновать, интересно? Но он тут же пояснил: – Все же Новый год близко. Сегодня уже двадцать девятое.

– Не люблю шампанское, – да, мне своего полудетского к нему отвращения так преодолеть и не удалось. – Но если ты хочешь, то пей.

– Вино в одиночку не пьют. Тем более шампанское.

Он налил и мне, и себе минералки и тихо признался с затаенной горечью:

– Ты совсем не изменилась. Только еще красивее стала. В смартфоне этого не видно.

– А ты изменился, – я отпила глоток. Минералка оказалась сильногазированной, и углекислота ударила в нос, защипала язык. Виктор ждал уточнения, а я не могла ничего сказать, справляясь с колючками во рту. Наконец сумела добавить: – Ты возмужал. Стал взрослым. Этаким суперменом.

Он невесело засмеялся.

– Умеешь ты делать комплименты, – с укором покачал головой.

Он что, решил, что это подколка? Но я сказала чистую правду и вовсе не хотела его обидеть. В ресторане играла тихая приятная музыка, на танцполе в такт ей двигались пары.

– Потанцуем? – предложил он, заметив, что я пристально слежу за ними.

– Давай! – согласилась я.

Все равно заказ принесут еще не скоро. Поварам нужно все приготовить, здесь не бывает дежурных блюд. Зато все свежее, не отравишься.

Мы вышли на танцпол и заскользили по паркету. Виктор прижимал меня к себе бережно и нежно, я себя с ним чувствовала хрустальной вазой. Но чувство было странным. Будто он со мной прощается, что ли.

В воздухе витала необычная печаль. Может, на меня транслировались его эмоции, а может, так влияла медленная томная музыка. Мы не стали ждать окончания мелодии – на наш столик принесли заказ, и мы поспешили занять свои места. Есть хотелось очень.

Оказалось, голодна не только я. Виктор тоже ел торопливо, спеша насытиться. Перекусив, откинулся на спинку стула и признался:

– Я вылетел сегодня из Хитроу ранним утром. Потом еще пересадка в Москве. Поесть было некогда. Еда в самолете не в счет. Там и есть-то было нечего. Да и штормило постоянно, из одной турбулентности в другую ныряли.

Я согласно кивнула. В самом деле, в последнее время в самолетах стали кормить отвратительно. А то и вовсе не кормят. Я когда летала к маме в Москву, на разные рейсы попадала.

Некоторые самолеты прямо на свалку просились. Или в переплавку, до того старые. И сервис там был соответствующий. Но хоть не падали, и на том спасибо.

Я доедала второй из заказанных салатов, когда меня снова посетило чувство чужого взгляда. Осторожно посмотрела по сторонам – ничего не заметила. Да что это такое? Паранойя у меня, что ли?

Виктор смотрел на меня с тихой грустью. Улыбнувшись ему, ободряюще предложила:

– Облегчи свою душу, дорогой мой. Ты прилетел попрощаться?

Он с силой зажмурился, будто хотел сдержать слезы. Мне стало его жаль. Протянув руку, крепко пожала ему ладонь.

– Так что случилось? Я же вижу, что ты сам не свой.

Он открыл глаза и резко признался, будто прыгая в холодную воду.

– У отца сложности. Его счета в Штатах и Англии заморожены.

– И что ты должен сделать? – я не знала, как в такой ситуации Виктор мог помочь отцу, но от него явно что-то требовалось.

– Я должен жениться, чтоб его выручить, – с горечью выпалил он.

Я глуповато выпучила глаза. Нет, когда девушки выходят замуж за богачей, чтоб жить красиво, это я в курсе. Но чтоб парни женились, по сути, ради того же, слышу впервые.

– Я приглянулся одной из богатых американок. Очень богатых, – с язвительной усмешкой уточнил он. – И она открытым текстом предложила отцу: если я на ней женюсь, она поможет разблокировать счета.

– А это реально? – что-то меня взяли сомнения.

Панов кивнул.

– Вполне. Счета открыты в ее банках. В накладе отец не останется. И будет составлен грамотный брачный контракт, чтоб я никуда от нее не делся.

Это никак не укладывалось в моей голове. Никак. Это что же за отец у него? Исковеркать жизнь собственного сына ради денег?

– Она тебя старше? – он уныло кивнул, и я с замирающим сердцем спросила: – На сколько?

– На двенадцать лет, – и ответил на мой невысказанный вопрос: – Да, ты права. Я, по сути, буду тем, кого на западе называют «купленный мальчик».

У него обострились черты лица, и он остановившимся взглядом воткнулся в окно, будто увидел там что-то чрезвычайно важное.

Я замерла не в силах вздохнуть. Сердце сдавило, как частенько бывало со мной при грустных известиях. Мы замолчали, не зная, о чем говорить. Да и что тут можно сказать? Все остальные темы забылись.

Тяжело вздохнув, он перевел взгляд на меня. Смягчившись, тихо сказал:

– Если б у меня была надежда, то я бы отказался. Но теперь какая разница? Если любимая тебя не любит, все остальное уже не имеет значение.

Я покраснела и опустила глаза. Если б я согласилась стать его женой, он отказался бы жениться на этой американской банкирше, хотя мне больше хотелось назвать ее бандитшей. Но что было бы с его близкими? С отцом, с мамой, братом? Нет, с голоду бы они не померли, им просто пришлось бы умерить свои аппетиты, ведь наверняка не все средства семьи хранились в зарубежных банках, но как бы после этого они стали относиться к сыну, да и ко мне?

Главное даже не в этом. Если б я согласилась, то жертвой стала бы я. Ну не жертвой, это уж слишком сильно сказано, но, тем не менее, пострадавшей стороной точно. Потому что я не хочу замуж. Мне приятно болтать с Виктором, он мне нравится, но как друг, не больше.

По моему угнетенному молчанию он понял, что между нами все по-прежнему.

– Свадьба будет через месяц, не раньше, – четко, как командиру, отрапортовал он. – Потому что все должно быть по правилам. У нее даже две репетиции запланированы, чтоб все прошло без сучка и задоринки.

– Как ее зовут? – зачем-то спросила я.

– Не поверишь – Мэри. Это еще одно доказательство того, что в своих желаниях нужно быть очень осторожным. Потому что я просил у вселенной, чтоб Маша стала моей женой. Вот она ею и станет.

В самом деле, это просто изуверство какое-то! Я в ужасе уставилась на него, не в силах произнести ни слова.

– Но это даже к лучшему, – он кривовато усмехнулся. – В данных условиях. Я смогу называть ее Машей, не нарываясь на подозрения. Ты не против, если в минуты близости я буду представлять тебя? Мне будет легче э-э-э... справляться.

Это что, шутка? Зачем ему мое разрешение? Разве можно контролировать чужие мысли? Он меня просто подначивает. Или нет? У него так болит душа, что он пытается хоть немного развеяться?

Неловко пожала плечами, не зная, что отвечать. Он решил принять этот аморфный жест за разрешение.

– Хорошо, спасибо, – протянул руку, благодарно пожал мою ладонь. Пальцы у него были горячими и сухими. – Потанцуем?

Я кивнула. Мы танцевали возле елочки с мерцающими разноцветными огоньками. Праздничное настроение, еще утром радующее меня, ушло безвозвратно.

– А если попросить помочь кого-то другого? Моего отчима хотя бы?

Он с мягким укором посмотрел на меня.

– Твой отчим с моим отцом в разных весовых категориях. Это даже несопоставимо. Неужели ты думаешь, что мы не пытались найти другие варианты?

В самом деле, что я такое лепечу? Где Панов и где Денис Дмитриевич? У меня точно помутнение рассудка. Просто ужасно не хочется верить, что это единственный возможный вариант.

– В принципе, ничего страшного. Я давно уже не мальчик, переживу. К тому же это не навсегда. В контракте будет четко обозначена возможность развода. Лет через семь-десять, – нарочито бодрым тоном сообщил он мне, прижимая к себе так, как тонущие прижимают спасательный круг. И с надеждой предположил: – Возможно, мы даже сможем, как и прежде, болтать по виберу. Иногда.

Я молчала. Было так тошно, что я задумалась, а не согласиться ли мне на его предложение? А что в самом деле? Буду женой взаправду, а не понарошку. Что в этом такого?

Но тут же возникли неприятные вопросы: а где я буду жить и учиться? В Лондоне? Но там мне придется начинать все заново, там наше образование не признается.

И как же Красовский?

Последний вопрос был явно не в тему, Леху я не видела уже больше двух лет, после того памятного лета. И нечего его зря поминать.

Но, тем не менее, мысль о нем голову мне охладила. Это все эмоции. И ничего больше. Это пройдет.

Наступала ночь. Ресторан закрывался ровно в двенадцать, посетители, или, как нас здесь называли, гости, почти все уже разошлись. В зале оставались только мы да еще одна парочка, явно молодожены, глядящие только друг на друга и не замечающие ничего и никого вокруг.

Под намекающие взгляды пробегающих мимо официантов Панов поднялся. Ему тут же принесли счет. Расплатившись по терминалу, он протянул мне руку. Вложив чуть подрагивающие пальцы в его ладонь, я вышла в гардероб. Мы оделись и попросили охранника вызвать для нас такси.

В его ожидании постояли на улице перед рестораном минут пять, прислонившись плечами. Он обнял меня за талию, я положила голову ему на плечо. Со стороны мы наверняка казались влюбленной парочкой.

Приехав к моему дому, вышли и остановились возле подъезда. Я понимала, что Виктор надеется на приглашение, но звать его не хотела. Приглашение предполагало утешение в постели, а я к этому не была готова. Все-таки это не я решила жениться на нелюбимой старой женщине, чтоб спасти семейное состояние. Хотя не знаю, как бы поступила я, окажись на его месте.

Не выдержав напряжения, он прижал меня к себе и принялся целовать, приговаривая: «любимая, милая, жизнь моя».

Я не сопротивлялась. Это было прощание. Горькое и навсегда. Мы понимали это оба. Я даже закинула руки ему за шею, открываясь, хотя это и было ни к чему. Но мне его было ужасно жаль. До боли, до слез.

Где-то вдали раздался громкий свист. Он остановился, опомнившись. Взял в ладони мое лицо, прислонился лбом к моему лбу и прошептал:

– Я тебя очень прошу, будь счастлива, моя солнечная девочка. У меня на сердце будет легче, если у тебя все будет хорошо.

Потом еще раз быстро меня поцеловал и, оторвав себя от меня, исчез в ночи. Я кинулась домой, зажимая рот руками. Хотелось даже не заплакать – завывать во весь голос.

На следующий день к вечеру мне пришла от него СМС-ка, что у него все хорошо, что он в Лондоне и скоро будет подписан брачный контракт.

Тридцать первого на работу я пришла в отвратительном настроении. Как же невозможно плохо заканчивается старый и начинается новый год!

Но хандрить было некогда. Обойдя всех пациентов в реанимации, проведя все назначенные врачами процедуры и стараясь угадать, что кому нужно, ведь половина из них ничего сами сказать не могли, ушла в ординаторскую.

Дежурили мы на пару с медбратом Костей, у него ребенок недавно родился, нужны были деньги, а за работу в праздники платили вдвойне. Он тоже был студентом-медиком, как и я, только уже выпускником.

Он висел на телефоне, разговаривая с женой. Она была у него совсем юной, только-только со школьной скамьи, очень пугливой и постоянно боялась сделать с малышкой что-то не так. Он ее учил, уговаривал, убеждал, чувствуя себя при этом старшим, умным и очень ответственным.

Наверное, так и нужно вести себя с мужчинами: быть слабой и беспомощной. А вот я все делаю неправильно. Я вспомнила Красовского, Панова и чуть не расплакалась. Но тут скорая стала привозить одного больного за другим, и времени на переживания не осталось.

Глава вторая

Красовский ласково держал меня за руки, глядя в глаза виноватым взглядом, и раскаянно шептал:

– Прости, а? Клянусь, я больше никогда не буду таким дураком.

Мне было больно это слышать. И вспоминать про то страшное лето тоже было больно. Но без него я не жила, а существовала. Хотя и сдаваться так легко не хотелось. И я холодно сказала:

– И сколько раз я от тебя это слышу?

– В последний. Это точно! – он произнес это сурово, как клятву, и я будто нехотя протянула:

– Ладно. Но учти...

Он не стал слушать, что будет дальше. Просто схватил в охапку и принялся целовать. И сразу на душе стало так легко, что захотелось петь. И я тоже обняла его, прижимаясь всем телом...

В мозг, опьяненный неистовой радостью, с трудом проникла здравая мысль: почему он такой мягкий? Он же должен быть твердым?

Открыла глаза. Так и есть, обнимаюсь с подушкой, поливая ее горячими слезами.

Сон! Опять тот же дурацкий сон!

Немного полежала, справляясь и с дыханием, и с разочарованием.

Как хорошо, что это только сон, и Леха не пришел ко мне мириться. Потому что я вполне могла бы его простить. А это уже была бы самая большая глупость в моей жизни.

Но почему так мерзко ноет сердце, если я все сделала правильно?

Или, наоборот, я все делаю неправильно? Почему все, кого я любила, меня оставили? Бабушка, мама, отец? Красовский, наконец? Мне без них очень, очень плохо. Одиноко так, будто я одна на всем белом свете.

Поплотнее завернувшись в одеяло, уселась с ногами на подоконник и стала следить за изменчивыми городскими огнями. До рассвета еще было очень далеко, но спать мне больше не хотелось. Зачем? Чтобы снова увидеть сон с участием Красовского и плакать, уверившись, что этого никогда не будет?

Он и так мне снился гораздо чаще, чем хотелось бы. Лучше б я его никогда не встречала, жила бы спокойно. А теперь после каждого такого сна сердце болит так же, как на той свадьбе, на которой он кувыркался на сеновале с на все согласной девицей.

Но это пройдет, я твердо знаю. Потому что больше надеяться мне не на что. Ведь время лечит, это факт. А то, что мне до сих пор плохо, это просто времени прошло слишком мало. Ведь что такое два с половиной года в масштабах вечности? Ничто.

Подобные рассуждения граничили с казуистикой, но нужно же было чем-то утешаться? Вот я и утешалась. И вообще, на что мне жаловаться? Вот Виктору Панову есть за что ругать судьбу, а у меня все хорошо. Почти.

Просидела на подоконнике до восьми утра. Потом приготовила кофе, бутерброды, перекусила. От недосыпа возникла коварная мысль позвонить Инке, разбудить ее ни свет ни заря, ведь звонит же она мне за полночь, хотя знает, что я сплю, и поделиться с ней перипетиями судьбы Панова. Она же весь одиннадцатый класс пыталась его очаровать!

Я уже протянула руку, чтоб взять телефон, но так и не взяла, поняв, что не смогу опуститься до банальных сплетен. Хотя поделиться с кем-нибудь этой тяжелой ношей все-таки стоило.

Не выдержав, днем позвонила маме в Лондон. Если она еще спит, то просто не возьмет трубку, она всегда отключает звук, чтоб не мешал.

Она ответила сразу. Поздравив ее с Новым годом, выслушала ответные пожелания и только тогда рассказала о Панове и его женитьбе.

– Машенька, я об этом знаю, – она сочувственно вздохнула. – Денис мне об этом говорил. Да об этом вся наша верхушка шепчется. Я тебе не звонила, потому что не хотела, чтоб ты переживала.

– Как ты думаешь, можно что-то сделать? – спросила это просто так, чтоб облегчить душу, ни на что не надеясь.

И оказалась права:

– Обычными путями – нет. Денис вообще говорит, что Панова-старшего просто подставили. Ему и связь с террористами приписали, и много всякой чепухи, никакой бы суд не помог. Так что они выбрали оптимальный вариант.

Оптимальный вариант? Я чуть зубами не закричала. Бедный Виктор! Вспомнился его потухший взгляд в нашу последнюю встречу, и по щекам снова покатались слезы. Стремительно распрощалась с мамой, чтоб она ни о чем не догадалась.

Нужно немедленно заняться чем-то полезным и увлекательным, чтоб в голову не лезли противные мысли о собственном бездарном существовании и вине перед Пановым.

Может, хоть в кино сходить? На последний ряд?

От этой мысли вдруг напал какой-то странный безрадостный нескончаемый смех. Пока сообразила, что это банальная истерика, чуть не задохнулась. Помог холодный душ. Верное средство для слишком впечатлительных девиц. Говорят, в таких случаях еще пощечины хорошо помогают, но бить себя по щекам не комильфо, к тому же сильно все равно не ударишь, замах не тот, а шлепать просто так – какой прок?

Придя в себя, хотела одеться и погулять, но позвонили в дверь, и я пошла открывать, недоумевая, кто бы это мог быть, ведь по домофону меня никто не спрашивал. Соседи, что ли? Синдром глубокого похмелья? Ко мне довольно часто заскакивал кто-нибудь из нежелающих посещать нашу районную поликлинику. А мои отговорки, что я только учусь и у меня впереди еще почти три курса, эти страдальцы игнорировали.

Но это оказались не соседи, а Лилия. Вот уж кого я совершенно не хотела видеть! И чего она делает у меня третьего января?

Пускать ее не хотелось, но она быстренько втерлась в квартиру и пафосно поздравила меня с Новым годом. Скороговоркой пожелала мне всего самого разного, причем ее пасмурный тон подразумевал вовсе не счастье и здоровье, а нечто даже противоположное, и принялась зудить свою нудную комариную песню:

– Маша, когда ты продашь квартиру? Нам в нашей двушке очень тесно!

Я только вздохнула. Нет, если б она разговаривала нормально, то я бы давно на это согласилась. Но она со своей тупой агрессией будила во мне зверя. И я отвечала ей в ее же духе. То есть когда сочту нужным.

Вот и сейчас она принялась объяснять мне, какая я подлая эгоистка и какая она страдальца, потому что вынуждена меня терпеть. Интересно, и когда ей удастся жертвовать собой? Я к ним не хожу, ничего у них не прошу, вообще избегаю изо всех моих сил, и она же меня терпит? Интересная постановка вопроса.

– Лилия, а может, вы отсюда быстренько уйдете, а? Пока я не разозлилась окончательно и не пожаловалась на вас отцу? – официальным тоном и на «вы» обратилась я к ней. Надоела потому что.

– Да жалуйся сколько влезет! – задрала она свой длинный тонкий нос. Не поверила. А все потому, что, сколько бы она тут ни появлялась, я отцу об этом ничего не говорила. – Боюсь я тебя сильно!

– А вы не меня бойтесь, а с муженьком своим поссориться опасайтесь. Вы же теперь всего-навсего жена. Обидится он на вас и любовницу для утешения заведет. А потом и вовсе к ней смотается. Потому что любовницы априори законных жен лучше.

Она пошла багровыми пятнами.

– Ты этого не сделаешь! – проговорила сквозь стиснутые зубы.

Эк ее проняло! Чтоб не разочаровывать милую мачеху, я вынула из кармана телефон и принялась выбирать из длинного списка отцовский номер. Ее как ветром сдуло.

Едва она убралась, я резко выдохнула, пытаюсь успокоиться. Какой же мерзкой мегерой я стала! Или я просто зеркало, как недавно сказала мне Инка? Типа я разговариваю с людьми точно так же, как они говорят со мной. Тем же тоном и даже теми же выражениями. И обижаться им нужно не на меня, а на себя.

В принципе, это плохо. Потому что я будущий врач и мне так себя вести нельзя. Хотя на работе я приветливая и спокойная, как танк. Раздвоение личности или высокий профессионализм?

В двенадцать позвонила Инка. Странно, для нее вроде бы рановато, она же ложится очень поздно, хотя и не работает по ночам, как некоторые типа меня.

– Привет! Не спишь?

– Нет. А ты чего не спишь? Заранее выпалась?

– Гостей полон дом! – сообщила она, понизив голос. – Спать нереально! Хотя сидели мы за столом почти до утра. Снова встречали Новый год! Припасов потому что слишком много, надо доедать, чтоб не пропали.

– Понятно, – я ей и сочувствовала, и завидовала. Вот уж кому не скучно. – Что делать собираешься? Ко мне не хочешь?

– К тебе не хочу. Я на каток хочу. С тобой. Обязательно! – категорично заявила она.

Я насторожилась. В последнее время Инка выдумала чудный тест для своих бойфрендов. Называется «проверка на верность». В роли проверки выступаю я. И ведь попробуй откажи! Столько упреков, будто я ей жизнь порчу. Что стоит одно ее артистичное вздевание рук ввысь и горестный вопль «и вот так всегда». В общем, развлекается девушка, как может. Только вот почему за мой счет?

– Опять кого-то на прочность проверять собираешься? – недовольно спросила я, уже загодя зная ответ.

– Да! – твердо заявила суматошная подружка. Услышав мой разочарованный вздох, умильно попросила: – Машуня, сама понимаешь, мы с тобой подруги по гроб жизни, ты мне дороже всех парней вместе взятых, мы с тобой никогда не расстанемся. А представь себе, познакомится мой парень с тобой после нашей с ним свадьбы и на тебя западет? Вот как ты себя чувствовать будешь, а? Ведь это его мне придется лесом отправлять, не тебя. Так что уж пусть лучше он сейчас от меня отлипнет, чем потом. Потом я страдать буду, а сейчас только позлюсь малость.

Вот ведь умеет она найти железные аргументы! Пришлось согласиться. А что делать? Я тоже Инкой дорожу, мы с ней с детского сада дружим. И не хочу я с ней парней делить. Так что уж пусть лучше с ними разбирается сейчас, так сказать, по мере их поступления.

К тому же если б они ей были дороги в самом деле, она бы им подобные испытания не устраивала. Уж скорее бы со мной рассталась. И я бы не возражала, хоть это и больно. Правда, можно и без парней дружить, не знакомясь с ними, но вот уж такая она есть. Живет по принципу «или все, или ничего».

Договорились встретиться на катке в четыре часа, потому что к восьми вечера мне нужно снова идти на дежурство. Ровно в обговоренное время я приехала на наш городской каток на эспланаде, надела коньки и пробежалась по дорожке. Лед не ахти, народу катается слишком

много, поправлять не успевают. Катов же круглосуточный, по нему даже по ночам любители раскатывают.

Инку увидела издалека, но подъезжать не стала. Она каталась за ручку с высоким парнем в черной куртке. Я осторожно подобралась к ним сзади. Что-то меня в их паре смущало, но что именно, понять не могла. Дошло, когда он повернулся, демонстрируя мне курносый профиль с тяжелым квадратным подбородком, что-то громко сказал и беззаботно рассмеялся.

Я рефлекторно сжала руки в кулаки, преодолевая пылкое желание подъехать поближе и пнуть его пониже спины. Гад! Вот просто гад! У нас его жена лежит, она в аварию на машине попала, а он тут девиц охмуряет! Зная, что физические методы воспитания самые действенные, мне захотелось снять с плеча увесистую сумку и от души врезать ему по пустой головенке.

Посмотрела на довольную подружку и вздохнула. Она как мед для разного рода непорядочных типов. Может, потому, что кажется легкомысленной?

Вспомнив о Красовском, хмуро попрекнула себя: ко мне тоже липнут типы сомнительной нравственности. И в этом, кроме меня, никто не виноват.

Предаться самозабвенному самобичеванию мне не дал Инкин кавалер. Он обхватил ее за плечи, прижал к себе и принялся что-то интимно шептать на ушко. И я даже подозревала, что именно.

Решительно подъехала к ним. Мило поздоровалась и уставилась на парня, надеясь, что он меня узнает и слиняет сам, без моей помощи. Но нет, не сассоциировал. Конечно, на работе я мало того что в зеленой униформе, так еще и с маской на лице, а порой и в специальных очках.

Пришлось действовать грубо:

– Как себя ваша жена чувствует? – спросила с искренним интересом. – Ее вроде Кристина зовут? Лучше ей стало? Перевели из реанимации? – о ее самочувствии я знала больше его, но нужно же было как-то поставить этого бессовестного ловеласа на место.

Он разочарованно повел плечами. Посмотрел на вмиг затвердевшее лицо Инки и понял, что ничего ему тут не отломится.

– С ней все нормально, – прозвучало это на редкость скучно. – А вы откуда с ней знакомы? Я вас что-то не помню.

– Встречались мы с ней. И с вами тоже. А вот вы откуда мою подружку знаете? – и я вопросительно посмотрела на Инку.

У той неистовым негодованием сверкали карие глаза. Так, она уже все поняла и сейчас выскажет этому своему милому знакомцу все, что о нем думает.

Но тот соображал быстро, видимо, вследствие большого опыта. Вмиг отлепившись от клокочущей гневом Инки, с язвительным поклоном заявил:

– Ну, если все ясно, то я пошел! – и быстрехонько смылся.

Подружка зло погрозила ему вслед кулаком.

– Вот ведь сволочь! – и спросила у меня все еще возбужденным голосом: – У Кольки жена точно в больнице?

– Точно! – мрачно заверила я ее. – Она после аварии лежала у нас в реанимации, сейчас в терапию перевели. А муженек, похоже, ей уже замену подыскивает. Заскучал в одиночестве, бедняжка.

– Сволочь! – заиклилась Инка. Я бы выразилась разнообразнее, можно подумать, больше эпитетов для подобных типов не существует. – Вот как есть сволочуга! Знала бы раньше, я б ему в нос дала, не пожалела!

– Кого бы ты не пожалела? – несколько удивилась я. Про жалость я от своей лихой подружки слышала впервые.

– Кулака бы своего не пожалела! – она посмотрела на свою руку. – Пусть бы снова все костяшки содрала, но ему бы в его гадкий нос двинула!

Это что, она у меня в драках участвует? Нет, что она это может, я знала, но почему без меня?

Высказала ей свое энергичное «фи», и в ответ получила:

– Машка, ты чего? Я когда тебя выждать-то буду? Драки – мероприятие не запланированное, а спонтанное. И вообще, когда девушка дает в нос парню в гордом одиночестве, это она таким образом выражает свое им недовольство. А вот если она занимается тем же самым вдвоем с подругой, это уже называется нападением. И карается по всей строгости закона. Уголовным кодексом, между прочим.

Я впечатлилась.

– Какие ты слова знаешь, однако! Я тобой горжусь!

Нет, шутки шутками, но Инка точно повзрослела. В отличие от меня. Я уж было хотела сказать ей о Панове, сил больше не было страдать в одиночку, хоть выскажусь, все легче будет, но она ухватила меня за руку и потащила за собой, приговаривая:

– Раз уж мы тут, давай кататься, чего время зря терять!

Момент для откровения был упущен, и я промолчала.

Уже спеша на работу, прокручивала в голове разговор с Виктором. Все никак не могла поверить, что вот так можно поступить с молодым, полным надежд и собственных планов парнем. Но постепенно здравый смысл, а может, и усталость затушили сочувствие. Вернее, не затушили, а выявили в этой неприятной ситуации некоторую надежду.

Если эта американка так решительно настроена прибрать его к рукам, (чего я не понимаю, разный у нас все-таки менталитет; у нас женщинам так себя вести не позволяет гордость, а там, похоже, все решает голый расчет) то должна же она сделать все, чтобы молодому мужу с ней было хорошо? Может быть, она даже уступать ему будет? Он, в принципе, парень твердый и не даст прыгать на себе, как на жеребце. Так что поживем – увидим. Может быть, все еще и к лучшему.

Не то чтоб я в это сильно верила, но уж больно гнело душу осознание собственной беспомощности и острое сочувствие к ни за что пострадавшему другу.

Дойдя до своего отделения, переделась, прошла в палату и принялась за уже привычную работу. Взгляд упал на койку, где неделю назад лежала Кристина, жена этого козла. Может, намекнуть ей на похождения муженька?

Нет, не буду. Лезть в чужую жизнь глупо, да и она сейчас не в том состоянии, чтобы волноваться. Может быть, он по жизни такой, и ее все устраивает? Может, у них договорной брак какой-нибудь? Типа ты не мешай развлекаться мне, а я не буду мешать тебе? Сейчас ведь разные странности есть.

Но утром после дежурства я все-таки заглянула к ней в терапию. В принципе, это было нормой – мы часто проводывали в других отделениях тех, кого вытаскивали с того света. Порой даже и не говорили с ними, просто проверяли карту и уходили.

У кровати Кристины стоял хирург, делавший ей операцию, и ее удалой муженек. Я с пиететом посмотрела на Петрова. Повезло же им, что он дежурил как раз в то время! Вот уж кто талант так талант. И хотя он не в терапии работал, но пришел сюда, чтоб проверить, как тут его пациентка.

Он что-то говорил серьезному Николаю, тот кивал головой типа «все понял, сделаю». И вид при этом такой достойный, надежный, прямо скала! Виталий договорил, повернулся, увидел меня и улыбнулся.

– Привет! Как дела?

Ответила стандартно:

– Нормально. А у вас?

Он как-то хмуро пожал плечами.

– Как всегда. Ну, мне пора. Маме привет передавай.

Он ушагал, а я озадаченно посмотрела ему вслед. Что это с ним? Вроде женат, должен быть всем доволен. С женой его я не встречалась, кто она, не знаю, но говорили, что она работает на скорой. На работе что-то не так? Но я бы знала. У нас все всё обо всех знают. Я не исключение, ведь не в пустыне живу.

Не буду же я говорить с огромным удовольствием сплетничающей Власте Евгеньевне, что мне это не интересно? Не поймет, да еще и обидится. Она не со зла болтает, ей чужие судьбы по-настоящему интересны. Неравнодушный человек, сейчас такие редкость. Она и вмешаться не побоится, если сочтет нужным. И той же Кристине все расскажет, не то что я.

Ну да ладно, Виталий сам со своими делами разберется, не маленький.

Подошла к Кристине. Она меня узнала и заулыбалась, сразу похорошев.

– Добрый день! Как ты себя чувствуешь? – мы перешли с ней на «ты» почти сразу, как она отошла от наркоза. Она, кстати, первая начала. Мы почти ровесницы – я не протестовала. Так гораздо проще.

– Нормально, спасибо за помощь, – и повернулась к мужу, поманив его рукой. – Коля, это та самая сестричка, что вытащила меня с того света.

Это была неправда, там нас много было, но все равно приятно.

Николай подошел, посмотрел на меня и побледнел. Ага, испугался! Видимо, жену ему огорчать все-таки не хотелось. Или просто боялся? Козлы они ведь еще и трусы, это такой неразрывный комплект. Я угрожающе посмотрела на него, и он растерялся. Решил, видимо, что я его сейчас заложу.

– Спасибо вам за жену, – голос у него звучал неестественно и хрипло. Кристина удивленно посмотрела на него, но решила, что он вспомнил то страшное время, когда было непонятно, выживет она или нет. – Я ее очень люблю.

Вот упаси Господь от такой любви! Похоже, его на всех баб хватает. И всех он любит большой и чистой любовью, без исключений.

Не отвечая ему, я пожелала Кристине скорейшего выздоровления и ушла, потому что смотреть на этого фальшивого урода никаких сил не было.

Уже дома позвонила Инке и рассказала о своем визите. Та раздраженно пофыркала и призналась:

– Он мне сразу не понравился. Глазки отвратительно блудливые. Мне такие сукины коты уже попадались. Похожи друг на друга, как родные братья. Повадки один в один.

Я вспомнила мисс Марпл Агаты Кристи. Она тоже преступления расследовала по аналогии. Типаж он типаж и есть. Что в книгах, что в реальной жизни. Внешность отражает содержание, это точно.

– А давай мы с тобой завтра на каток еще раз сходим? – подружка никак не могла уняться.

Опять с проверкой? Ну и скорость у Инки! Не успела одного отвадить, уже следующего проверяет!

– Завтра у меня дневное дежурство, не смогу. Если только послезавтра. И давай прощаться, спать хочу зверски. Сейчас с трубкой в ухе засну.

Она пожелала мне спокойного сна и послушно отключилась. Несколько недоумевая, откуда вдруг у нее взялась такая вовсе на нее не похожая сочувственность, я упала на диван и уснула.

Проснулась поздним вечером. Вот за что не люблю я ночные смены, так это за то, что потом не знаешь, чем заняться следующей ночью. Нет, когда идут занятия, это без проблем, там одна задача – на лекциях не уснуть. А вот в каникулы...

Выручила Инка. Позвонила и протрепалась до полуночи. Я поставила телефон на громкую связь и делала два дела одновременно – просматривала конспекты, все-таки сессия на носу, и вполуха слушала ее.

Где-то около двух ночи она запнулась и потрясенно заявила:

– Маш, а Маш, ты по интернету сегодня ходила?

Я сказала, что нет, а сердце неприятно сжалось. Что она там выискала?

– Тут о Панове новости. Он, оказывается, женится. И невеста тут его есть. Не сказать, что старуха, но старше точно. Вот уж чего от него не ожидала.

Я зажмурилась. Вот до последнего надеялась, что все утрясется! Не утряслось...

– Ты не волнуйся, – Инка что-то почувствовала. – Все мужики козлы...

– Тут не то, что ты думаешь.

Я вкратце пересказала ей то, что знала от самого Виктора.

– Он здесь был, и ты ничего не сказала? – Инка непритворно обиделась.

Мне пришлось воззвать к ее гордости:

– Инка, и что бы ты с нами делала? Он же со мной прощаться приехал. Третьей лишней любишь быть?

Она помолчала, видимо, до нее не сразу дошел весь трагизм ситуации, потом горячо извинилась:

– Прости, Маш! Ну, тормоз я, с этим уж ничего не поделаешь, – и быстренько свернула наш разговор: – Пока! Тебе спать пора, а я тебе не даю.

И отключилась.

Вот блин! Я же не успела ей сказать, чтоб не трепалась. А теперь поздно. Но, может, это и к лучшему? А то все наши общие знакомые, знающие о Витькиной ко мне склонности, будут думать о нем невесть что. Пусть это мое завышенное самомнение или даже самовлюбленность, но мне все равно стало полегче. Тут, как говорится, ничего личного, просто бизнес.

Я проработала все каникулы, потом сдавала сессию параллельно с дежурствами. С одного мне даже пришлось удрать, потому что оно пришлось на день экзамена, а замену мне найти не удалось. Хорошо Власта Евгеньевна, снизойдя к моим страданиям, отпустила меня на пару часов, и я без очереди сдала фармакологию.

Но обратно на смену все равно опоздала, потратив на дорогу времени гораздо больше из-за пробки на дороге, но замечания она мне не сделала, хотя отсутствие на работе три часа было весьма заметно, тем более, что привезли пострадавших в очередной аварии.

Я извинилась, объяснила, в ответ она снисходительно потрепала меня по плечу своей мощной рукой и назвала великой труженицей. До сих пор думаю – это была похвала или наоборот? Порой Власту Евгеньевну сложно понять.

А потом начались каникулы, совпавшие с моим первым в жизни отпуском. И я поехала в Москву к родителям. На этот раз решила пожить у них. Все-таки их квартира большая, мешать им я не буду, мотаясь по разным интересным местам.

С братом решила пока не контактировать, в прошлый раз он так заикнулся на своих житейских неурядицах, что на меня внимания вовсе не обращал. Это было бы даже хорошо, если бы от него волнами не расходились печаль, злость и неустроенность. Мне было жаль Макса, но его эмоции меня подавляли. Чтоб не портить себе отдых, решила в этот раз встречаться с ним как можно реже.

Мама с отчимом были мне в самом деле рады. Мамочка первым делом спросила, как у меня дела с милым мальчиком из Ясиной. Я ответила что никак. Хотя я и проговорила это с натужной бодростью, но мама все поняла и сочувственно вздохнула.

После этого Денис Дмитриевич принялся как-то странно на меня поглядывать, и внешне предположил сходить в гости к его другу, некоему Демиду Павловичу.

Мама на него предупреждающе посмотрела, и я поняла, что меня с кем-то будут знакомить, видимо, отчим решил, что я слишком уж тоскую по Красовскому. Это мне не понравилось, но и причины отказаться не нашлось. Ладно, схожу, от меня не убудет.

Поехали мы вечером. Дом у знакомых отчима оказался огромным. И с прислугой. Я было напряглась, потому что по моему представлению в таких домах живут снобы, и ошиблась.

Встретивший нас Демид Павлович чуть не прыгал от нетерпения и сердито попенял Денису Дмитриевичу, что тот поздно привез свое семейство.

– Вот Новый год-то здорово бы отметили! Весело бы было! – это прозвучало открыто и дружелюбно, без намеков и подводных камней. – Но хорошо, что хоть сейчас сподобился, и на том спасибо!

Потом поцеловал ручки мне и маме, восхитился нашей неземной красотой, все как-то так по-доброму и весело. Потом повел нас в дом, в столовую.

Она оказалась большой и уютной. Насколько я помню, этот стиль назывался прованским. Стены в золотистом шелке, не поняла, то ли обои, то ли ткань, на вид не различить, полы из натурального дуба, скатерть в веселенький цветочек. На столе приготовленные для ужина приборы, очень красивые, причудливо сложенные салфеточки в виде розочек и минералка. Бутылок с вином не было. Вокруг стола стояли очень удобные мягкие стулья с подлокотниками.

Оглянувшись, Демид Павлович гаркнул во все горло, как ворона из басни, я аж вздрогнула:

– Наташа, ты где?

На его вопль из небольшой дверцы в дальней стене выскочила милая дама в брючках, футболке и фартуке с большим цветастым петухом и спросила:

– Что, Денис с Ксюшей пришли? – не ожидая ответа, кинулась к маме и расцеловалась с ней.

К моему удивлению, мама, не любившая подобные телячьи нежности, сама пару раз приложила к ее щекам и ласково спросила:

– Наташ, мы к вам не зачастили случайно?

Та искренне обиделась.

– Зачастили? Ну, если мы еще не забыли, как вы выглядите, то зачастили, это точно. Вы к нам даже на Новый год не пришли, а ведь мы вас ждали! – она и в самом деле была огорчена.

– Мы в Лондон сгоняли, – пришел на помощь жене Денис Дмитриевич. – Давно хотели, но все не получалось.

И, чтоб сбить накал обиды хозяйки, выставил меня вперед:

– Знакомся, это наша Маша! – и уже мне: – А это наша замечательная Наталья Ивановна.

Хозяйка протянула мне руки и ухватила за ладони. Руки у нее были мягкими и теплыми. И жест был таким дружеским, будто меня здесь долго ждали и вот, наконец, дождались. Я даже растрогалась. Приятно, правда.

– Какая милая девочка! Как хорошо, что вы ее к нам привели! – она оглянулась, кого-то ища. Не нашла и тяжело вздохнула. – Ну что ж, давайте к столу. Надеюсь, вы голодны? А то мы с Дашутой сегодня такой стол сварганили, сами гордимся!

– Ты бы фартук сняла, Наташ, – подсказал ей муж. – А то как-то не комильфо.

Наталья Ивановна оглядела себя, будто впервые увидев.

– Ну и ну! Я еще и платье-то не надела! – и она убежала, цокая каблучками.

Денис Дмитриевич извиняюще развел руками.

– Давайте за стол. Наташа, когда увлекается, обо всем на свете забывает. Но семеро одного не ждут, – и громко скомандовал в сторону кухни: – Дашуня, мы ждем!

Из неприметной двери выскочила улыбающаяся женщина в годах с объемным подносом. Демид Павлович заторопился ей навстречу. Забрал поднос, поставил его на стол. Я думала, что Дашуня – это уменьшительно-ласкательное от Дарьи, но, судя по чуть раскосым глазам поварахи и оливковой коже, это было ее полное имя.

Мама принялась помогать сгружать с подноса принесенную еду и распределять по столу. Дашуня еще раз пять шустро сбегала с подносом туда-сюда, прежде чем к нам спустилась хозяйка дома.

На Наталье Ивановне было длинное платье из какого-то плотного матового шелка. Вместо смешной култышки на голове элегантный свободный узел, и даже на лице присутствовал неброский макияж. Вот ведь скорость! У меня бы так никогда не получилось. Или просто большой опыт?

Она снова с надеждой поводила головой туда-сюда, кого-то высматривая. Не увидев, досадливо прикусила губу и села во главе стола, как и положено хозяйке.

Все было очень вкусно. Прямо как в элитном ресторане, даже лучше. На похвалу она отмахнулась:

– Это все Дашута. Нам с ней очень повезло. Она с нами вот уже десять лет. Повариха от Бога. Как я еще в двери пролезаю, непонятно. Никогда от ее стряпни отказаться не могу. Съедаю все до последнего кусочка.

Это было кокетство чистой воды, потому что Наталья Ивановна была очень даже стройной дамой. Впрочем, мама тоже.

Они обе были очень симпатичны. Красивые, ухоженные, улыбочивые и притягательные. Одним словом – очаровательные. С ними было очень приятно. Недаром их мужья смотрели на них с откровенным восхищением и даже какой-то гордостью.

Я положила на тарелку необыкновенной красоты большую тарталетку с экзотическим салатом и примеривалась, как сподручнее отделить от нее кусочек, когда дверь хлопнула и в столовую ворвался высокий парень.

Все вздрогнули. Я тоже. На мгновение мне показалось, что это Красовский. Та же стать, то же упрямое выражение лица.

– Ма, па, привет! И тете Ксюше с дядей Денисом аналогично! А это кто с вами? – энергия из него била ключом. – Просто куколка!

Меня перекосило. Опять куколка? Да сколько можно!

Видимо, мое лицо сказала о многом, потому что и Наталья Ивановна и Демид Павлович начали хором:

– Маша не куколка! – посмотрели друг на друга, рассмеялись, и продолжил уже один Демид Павлович: – Маша будущий врач, как и мама. Она и сейчас в больнице работает. И непросто в больнице, а в реанимации. Что это такое, ты и сам понимаешь, – и сказал, уже обращаясь ко мне: – Это Родион, наш младший. Как видишь, Маша, жутко шепутной. На последнем курсе МГУ учится.

Он не сказал, на каком факультете, но мне это было и неинтересно. Мне такие самоуверенные парни никогда не нравились. Вспомнив о Красовском, вынужденно поправилась: почти.

Родион непринужденно поставил стул рядом со мной, устроился поудобнее, набросал на тарелку все, до чего смог дотянуться, и принялся закидывать в себя все подряд. Когда он таким макаром оприходовал вторую тарелку и принялся за третью, я удивилась. И куда в него столько входит? Вроде худой. Все сгорает из-за интенсивного движения или не в коня корм?

Проглотив третью тарелку, Родион спросил у меня, наелась я или нет. Услышав, что да, предложил провести по особняку.

– У нас много интересного. Не как в музее, но все же.

Пришлось подняться и выйти с ним. Вслед нам полетели взгляды, полные тайной надежды. И зря.

Мы не успели дойти до второго этажа, как Родион меня предупредил:

– Маша, ты не надейся меня охмурить. Это глупо. Я по жизни волк-одиночка.

Я довольно кивнула.

– Это хорошо, что ты на меня не запал. Будешь приятным исключением.

Он аж споткнулся и внимательнее на меня посмотрел. Я рассматривала высокую вазу в древнекитайском стиле, стоящую в углу коридора на высоком круглом столике.

– На тебя что, все западают? – недоверчиво уточнил он.

На эту глупость я отвечать не стала, хотя, признаю, сама же его и спровоцировала. Но надо же как-то спустить его с небес на грешную землю?

– И вообще, я ищу свой идеал! – пафосно провозгласил он и с намеком посмотрел на меня. Понятно, я под это понятие не попадаю. Что ж, это только приятно.

Ваза была очень красивой, до нее даже дотронуться было страшно.

– Это что, настоящая китайская ваза? – он недоуменно посмотрел на меня, не понимая вопроса. Переспросила: – Фарфоровая? Древняя? Какой-нибудь эпохи китайских императоров типа Минь?

Он обошел вазу кругом, разглядывая, будто увидел впервые, потом озадаченно почесал в затылке.

– Вопрос, конечно, интересный, знать бы еще на него ответ, – полез в карман со словами: – Минуточку! Сейчас узнаем, – и уже в телефон: – Мама, в левом коридоре второго этажа что за ваза? Китайская? Старинная?

Отключившись, небрежно сморщил нос и пояснил:

– Ваза китайская. Но не старинная, хотя и старая. Это копия вазы династии Цин, сделанная два века назад. Тебе это что-то говорит?

Я важно кивнула.

– Конечно.

Он заинтересовался:

– А что именно?

– Что от нее нужно держаться подальше. И разглядывать на расстоянии. Лучше из бинокля.

Он весело расхохотался. Смешливый.

– Ты всегда такая прикольная?

Ничего особо прикольного я в себе не замечала, поэтому просто передернула плечами.

Мы пошли дальше. Он показывал мне огромный особняк небрежно, как давно надоевшую повинность. Я на него внимания не обращала, мне было интересно. Дом был и сделан, и обставлен с любовью. Когда мы шли обратно, я заметила:

– Хорошая у тебя семья. Дружная и любящая.

Он затормозил и остановил меня.

– С чего ты это взяла?

Я повела рукой вокруг.

– Разве не видно? Здесь все вокруг сделано с любовью. Здесь тепло и уютно.

Он пошел дальше, говоря как о само собой разумеющемся:

– Это все мама хлопчет. У нее времени много.

Это прозвучало с обидным снисхождением, и мне стало обидно за Наталью Ивановну. Сразу видно, что ему никогда домашним хозяйством заниматься не доводилось, не то бы он так не говорил.

– Понятно. Ты так напряжен, тебя часто с подходящими девушками родители знакомят?

– Нет, ты первая. И я не думаю, что подходящая.

Я хмыкнула. Он тут же поправился:

– Это в смысле, что жениться не собираюсь.

Я кивнула.

– И правильно. Как говорится, нос не дорос.

– Не понял? – он даже затормозил и резко развернулся на каблуках.

– Не готов ты еще к ответственности и постоянству. Только и всего, – пришлось пояснить ему, как маленькому.

– Что есть, то есть, – согласился он со мной с видом сытого кота. И усмехнулся чему-то своему.

Такое выражение у мужиков бывает только после хорошего секса, и я поняла, что сегодня ему уже перепало. Что ж, это хорошо. Я на него никоим образом не претендую. Точно так же, как и он на меня.

– Ты надолго в Москве? – похоже, что обо мне он уже что-то слышал, так как о моем месте пребывания не спрашивал.

– Еще пара дней, и обратно.

Это его откровенно порадовало. Да, малыш ушлый и родителям очки втирает только так.

Мы вернулись в столовую, но там уже никого не было. Родион повел меня в гостиную. Там и нашлась наша потеря. Мужчины играли в шахматы, озадаченно морща лбы, дамы сидели рядышком на диване, что-то говоря друг другу.

Увидев нас, все повернулись в нашу сторону. Лица у всех были напряженными и пытливыми. Мне стало не по себе. Что они задумали?

Родион понял это первым.

– Увы, приглашал Машу съездить со мной в наш домик в Сорочаны на лыжах покататься, но у нее уже каникулы кончаются. Не могли вы к нам пораньше приехать? – с наездом обратился он к моим родным.

Мама стушевалась, а мужчины перекинулись понимающими взглядами. Но вот я ничего не поняла. Какой домик? Какие лыжи? Нет, выдавать я его не собиралась, но все-таки это непорядочно – так меня подставлять. Можно подумать, если б не каникулы, то я б с ним куда-то там отправилась. Типа кататься.

Денис Дмитриевич тяжело поднялся. Не отвечая на вопрос, разочарованно начал прощаться с хозяевами. Мама, как-то смущенно глядя в сторону, расцеловались на прощанье.

Уже сидя за рулем, отчим спросил:

– Маша, он тебе в самом деле предлагал с собой туда поехать?

Меня аж в жар кинуло от его слишком уж спокойного тона.

– Ничего он не предлагал. Наоборот, сразу посоветовал на него никаких видов не иметь. У него уже есть свой идеал.

С чего это брякнула, не знаю. С перепугу, что ли? Таким тоном со мной Денис Дмитриевич никогда еще не разговаривал.

В машине сразу снизился градус напряжения. Отчим отчего-то надсадно засопел, а мама хихикнула.

– Я же говорила, что у такого видного парня кто-то есть! Вот просто не может не быть! – победно провозгласила она. – И оказалась права.

Это что же я ляпнула? Похоже, тут была какая-то интрига, которую я нечаянно разрушила.

Мне очень хотелось все выяснить, но мама многозначительно пожала мне руку, и я промолчала. Приехав домой, вернее, к отчиму, я дождалась, когда он уйдет принимать душ, и пристала к маме:

– Это что такое было? Мама, колись давай!

Она, немного помявшись, все же признала:

– Родион всех своих временных подружек в этот домик приглашает. Или грибы пособирать, или на лыжах покататься. В зависимости от времени года.

– Вот ведь змей! – у меня даже кровь вскипела. – Да ничего подобного он мне не предлагал! Я бы его...

Мама широко усмехнулась.

– Не волнуйся, Маша, это все поняли. Это он зря сказал, мы же не дураки. Он тебе не понравился?

В принципе, до его провокационных слов я к нему относилась более-менее спокойно, как к любому избалованному богатенькому мальчику, но теперь он мне активно не нравился. Ишь ты, скомпрометировать он меня решил! Интересно, для чего?

– Кому он вообще может нравиться? Непорядочный и зазнаистый.

– Ну, он видный такой...

– Ага, весь из себя. Фанфарон! – меня просто распирало от злости.

Зазвонил мамин телефон. Она посмотрела на дисплей.

– Наташа! – и подняла вверх указательный палец, призывая меня к молчанию. Говорила главным образом Наталья Ивановна, весьма экспрессивно, в своем бойком стиле, мама лишь вставляла редкие междометия. Закончив разговор, потрепала меня по голове, как малого дитенка.

– Вот все и выяснилось. Никуда Родион тебя не приглашал, потому что по тебе сразу было видно, что ты ужасно правильная и скучная. А брякнул это от зависти. Потому что у тебя явно кто-то есть. Это так?

Я не поняла, к чему относился этот вопрос. Но мама упорно ждала, вопросительно глядя на меня, и я хмуро ответила:

– «Да» по всем пунктам.

И ушла в свою комнату.

Настроение тут же скакнуло. Из удивленно-оскорбленного превратилось в тоскливо-плаксивое. Вот можно ли сказать, что Красовский у меня есть? Или даже что был? Вот сидит он внутри, как заноза, и никак от него не избавиться.

Глава третья

На следующий день решила съездить к Макс. Прибраться получше, генеральную уборку сделать. Позвонила ему, чтоб предупредить, – не ответил. Странно. Может, ушел куда-то и звонка не слышит? Со мной такое часто бывает, особенно на работе.

В принципе, это неважно, ключи у меня есть. Сделаю ему сюрприз. Приходит братец домой, а там чистота. Сказала об этом маме, та одобрила. Ей самой невместно, она постоянно ему говорит, чтоб прибирал сам, это ж его квартира. Денис Дмитриевич ее на него переписал, в подарок на тридцатилетие, так что теперь она его во всех смыслах.

Поехала. На метро добралась быстро, все-таки какой хороший вид транспорта, особенно когда не в час пик и не надо стоять в толпе по стойке смирно. Немного помедлила перед знакомым домом. Вроде ничего нового, все как всегда. Поднялась на лифте, открыла дверь своим ключом.

И остолбенела. Здесь явно жила женщина! В прихожке стояли аккуратные маленькие сапожки, висела темно-розовая женская куртка. Мне стало неудобно, но любопытство в карман не засунешь. Не вытерпев, я прошла по комнатам. Чистота, уют и такая благодатная атмосфера, какой никогда у брата не бывало.

Не знаю, что ее создавало, может быть, те мелочи, которые присущи только женщинам? Или эмоции остаются в воздухе, впитываются в стены? В общем, здесь царил счастье.

Неужели Макс все-таки увел от мужа ту замужнюю даму? Или нашел кого-то другого? Ух как интересно! И ведь никому ничего не сказал, подпольщик такой!

Позвонила маме. Она тоже была поражена. И тоже захотела все узнать. Но вот как это сделать, чтоб их не спугнуть?

– Маш, ты давай сейчас тихохонько выдвигайся обратно, чтоб следов твоего пребывания не было, а мы к ним все вместе вечерком нагрянем. Якобы перед твоим отъездом, попрощаться. Звонить и предупреждать не будем, чтоб не сбежали. Как тебе такой расклад?

Я была только «за». Внимательно посмотрела по сторонам. Вроде не наследила. Закрыла дверь, быстро сбежала по лестнице и поехала обратно. Немного погуляла по улицам, через пару часов пришла домой.

Мама с горящими от возбуждения глазами встретила меня у входа.

– Ну Макс! Ну тихушник! И почему он нам ничего не сказал?

Пришлось ее восторг немного умерить:

– Мама, он мне как-то признался, что влюбился в замужнюю женщину. Если это она, то все понятно. Может, она еще развод не оформила.

Мама враз помрачнела. Родители, что тут говорить. Раз разведена, а тем паче замужем, то второй сорт однозначно. Интересно, а к старым девам она как относится? Что-то я об этом никогда с ней не говорила. Если останусь старой девой, она меня, небось, и уважать-то перестанет?

Шучу, конечно, но почему нельзя полюбить замужнюю женщину? Что за криминал такой?

Вечером Денис Дмитриевич повез нас на своем «мерсе» к Макс. Дверь подъезда открыли сами, а вот квартиру мы открывать не стали, хотя ключи у нас и были. Корректно позвонили, как благовоспитанные люди. Когда раздался несколько озадаченный голос Макса, спрашивающего, кто там, ответил отчим.

Брат открыл и сердито на нас посмотрел. Было видно, что нам не рады. Но на маму его неодобрение не повлияло. Со словами:

– Мы так соскучились, почему ты к нам не приезжаешь? – она умудрилась скользкой рыбкой просочиться внутрь.

Мы прошли следом по проторенному ею пути. На кухне кто-то был. Пахло чем-то жареным, причем очень вкусно. Мы с мамой понятиливо переглянулись.

– Ты не один? – мама сделала удивленные глаза. – Не познакомишь?

Актриса из нее никакая, достоверности ни на грош. Брат сразу просек, в чем фишка, и тут же мамочку разоблачил:

– Познакомлю, куда я денусь. Вы же для этого и приехали, разве нет?

Мама не стала лукавить:

– Конечно. Наконец-то мой сын завязал серьезные отношения... – сказано это было с надеждой на подтверждение, но Макс молча пошел на кухню.

Мы все враз запечалились. Неужто опять подружка-однодневка? Какая досада!

Макс нарочито громко позвал:

– Оливия, к нам гости.

Оливия? Она что, иностранка? Имя какое-то странное.

Из кухни торопливо вышла девушка в пестром фартуке, джинсах и футболке. Лет двадцати семи – двадцати восьми, натуральная блондинка с очень светлыми, почти платиновыми, волосами, светло-голубыми глазами, стройная, высокая, очень изящная, я бы сказала – породистая. К моему удивлению, далеко не красавица, но очень даже ничего. Невероятно располагающая.

Увидев нас, приветливо заулыбалась, от глаз к вискам побежали тонкие морщинки, и она превратилась в очень даже привлекательную особу. Вот что значит врожденный шарм! Она относилась к тем редким женщинам, что с возрастом становятся только интереснее. Завидую. Мне такой никогда не стать. Это дар природы. Или породы, смотря как смотреть.

– Здравствуй! – нет, не иностранка, никакого акцента не слышится. – Вы родные Максима?

Мама обрадовалась, девушка ей приглянулась, как и мне, и торопливо подтвердила:

– Да. Я его мама, Ксения Михайловна, это его сестра Маша, а это мой муж Денис Дмитриевич.

Представив нас, она с выжиданием уставилась на девушку.

Та, в свою очередь, на Макса. Бедняге отчего-то очень не хотелось знакомить ее с нами, но пришлось сказать:

– Это Оливия, моя знакомая.

После данной ей характеристики Оливия как-то скептически приподняла уголки губ, но тут же спохватилась:

– Пусть вас не смущает мое имя. У меня мама – переводчица старой школы, она обожает Шекспира. И больше всего – «Двенадцатую ночь». Считает ее мировым шедевром. Очень жалеет, что нет достойного перевода на русский язык.

Я удивилась. Вроде переводов Шекспира много, причем переводили его настоящие таланты. Мне больше всего нравились переводы Лозинского и Щепкиной-Куперник, ну и сонеты в переводе Маршака. Они у нас, кстати, все в домашней библиотеке есть. Понятно, что подлинники все равно лучше, но идеал, как известно, недостижим.

Заметив, что нас несколько озадачило ее необычное имя, она предложила:

– Зовите меня просто Оля, меня все так зовут. Многие даже не подозревают, что я не Ольга, а Оливия. Меня полным именем только Максим называет.

Мама быстро согласилась:

– Да, Оля – как-то привычнее.

Мне-то как раз больше нравилось Оливия: романтичнее оно и необычнее, но я ничего говорить не стала. Зачем? Что-то Макс и без того сердито хмурится, с неодобрением поглядывая на нашу навязчивую братию.

Оливия пригласила всех к столу:

– Я напекла посикунчиков на скорую руку. Не хотите попробовать?

Ответила мама, как главный в нашей компании:

– Звучит заманчиво. Но ведь на всех не хватит?

Она рассмеялась. Но как-то невесело.

– Это же пирожки-скороспелки. Они за несколько минут готовы. Я сейчас еще пожарю. Они со сковородки гораздо вкуснее. Потом уже не то.

Мы всей гурьбой двинулись на кухню. Расселись за небольшим столом, но Оливия садиться не стала.

– Давайте ешьте быстренько, а я еще сковородку накидаю.

В самом деле, она с профессиональной легкостью завернула еще с десяток пирожков, благо тесто и фарш уже были приготовлены. Мама следила за ней с опаской. Ясненько, опять снобизм. Бойтся, что Оливия работает шеф-поваром в китайской забегаловке.

Макс тоже, как и я, все понял, он же мамочку не первый год знает. Сухо пояснил:

– Оливия служит, как она говорит, в крупном питерском издательстве. Редактором. Так что если вы сочиняете романы, повести или эссе, можете дать ей для рецензии, – и с уязвленным негодованием уточнил: – Получите весьма компетентный пинок.

Мне стало за нее обидно. Чего это он такой злой сегодня? Такое чувство, что получил от ворот поворот.

– Макс, а ты у нас что, непризнанный гений? Книжечки втихаря пописываешь? И хотел с помощью Оливии классиком стать, а она тебя обломала? – язвительно поинтересовалась я у него.

Она звонко рассмеялась, на сей раз без горечи.

– Вот тебя и разоблачили!

Мы все бросили жевать и уставились на Макса. Неужто это правда?

Пользуясь нашим замешательством, он стянул себе последний посикунчик и лишь тогда ответил с довольной миной:

– Я только научные трактаты пишу. Не для средних умов. И уж ими-то я с редакторами художественных редакций делиться не собираюсь.

И опять его слова прозвучали с неприятным пренебрежением. Да что это такое? Похоже, тут идет какой-то тайный спор, а мы – невольные участники.

Это поняли все остальные. Мама постаралась найти самую безопасную тему:

– Вы замечательно готовите, Оля. Вас мама научила или бабушка?

Доставая со сковороды уже пожаренные пирожки, та отрицательно потрясла головой.

– Мама у меня готовить не умеет, так же как и обе бабушки. Это все папа. Он после женитьбы быстро научился хорошо готовить. Как он говорит, ему пришлось лечь грудью на амбразуру, потому что жена даже яичницу пожарить не умеет, а кушать хочется всегда. Папа считает кулинарию искусством. И даже не искусством, а истинной магией.

Она поставила перед нами еще одну большую тарелку с посикунчиками. Интересно, а почему их так называют? Аналогия возникает только одна, и она явно не для застольных разговоров.

– Магией? Почему? – Денис Дмитриевич с удовольствием откусил сразу полпирожка и одобрительно поцокал языком. – Вкуснятина!

Улыбнувшись, Оливия пояснила:

– Очень много нужно знать разных тонкостей, да еще и чутье должно быть. Еда – она ведь вся разная. Даже когда готовишь точно по рецепту, всегда получается по-разному. Так что да – магия тут необходима. Ну и навык нужен.

Слушать ее было очень приятно, голос невероятно красивый, модуляции завораживающие. Ей бы во врачи пойти, в психотерапевты или в психиатры. И гипноз для лечения применять. Слушал бы ее да слушал. Нет, очень необычная девушка, необыкновенная просто. Если

она замужем, то Макса мне, право, очень жаль. Никакой муж, будучи в уме и здоровой памяти, такую жену добровольно не отпустит. Биться будет до последнего.

Но живет же она здесь? Или нет? Может, просто приехала на пару дней? Ох, как все запутано и непросто! И почему со всеми членами нашей семьи такая свистопляска? Одна мама определилась и то не сразу, а все остальные на перепутье. За папочку я не волнуюсь – он попал в нежные и ласковые объятия анаконды, ему из них не вырваться. Если только на тот свет.

И тут же испугалась собственных мыслей. Нет, о чем я думаю! Разве так можно? Осторожнее нужно быть в своих мыслях, ох, осторожнее.

Подъев все, что было, мы начали прощаться.

Первой начала я, подражая медвежонку Винни-Пуху в озвучке Евгения Леонова:

– Ладно, раз у вас есть больше нечего, мы пошли. Как известно, кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро. Хотя мы пришли и не утром, а днем, но тоже не зря.

И уже серьезно посмотрела на нашу кормилицу:

– С вами очень приятно познакомиться, Оля. Хотя мне Оливия нравится больше. И подходит вам лучше, чем заурядное имя «Оля».

– Вот-вот, я ей тоже постоянно говорю. Ну какая из нее Оля? – и опять это прозвучало у Макса со страстью, неуместной при столь обыденном замечании.

Мы быстренько смылись, предоставив им пикироваться без свидетелей.

Сидя в машине, мама задумчиво произнесла:

– Как у них все сложно! Воздух искрит, как от электричества. И Макса мне жаль. Но девочка потрясающая просто. Редкостная жемчужина. А ты как думаешь, Денис?

Это прозвучало провокационно, но Денис Дмитриевич оказался на высоте:

– Пирожки были великолепные! Жаль, маловато, я б еще поел. В пирожковых таких не делают.

Мама даже растерялась.

– Нас же не ждали, вот и маловато. Но я тебя вообще-то не о пирожках спросила.

– Да? – рассеянно ответил он, мастерски обгоняя черную «тойоту» почти впритык. – А о чем? Честно говоря, я б еще от десятка таких пирожков не отказался. Уж больно они вкусные, хоть и маленькие.

Мама недоуменно пожала плечами и замолчала. Я тоже призадумалась. Денис Дмитриевич не хочет обсуждать милую девушку или, в самом деле, думает только о пирожках? Вот кто их, этих мужчин, разберет?

Уже дома мы с ней подождали, когда Денис Дмитриевич уйдет в свой кабинет, и принялись сплетничать.

– Как ты думаешь, она в разводе? – маму задела за живое мои слова о замужестве Оливии. – Кольца у нее на руке нет.

– Это ничего не значит. Сейчас мало кто носит кольца. Но мне почему-то кажется, что она замужем.

– Почему? – маме это вовсе не понравилось. Мне тоже. Прелюбодеяние и все с ним связанное было как нож острый.

– А иначе из-за чего бы они ссорились? Мне кажется, Макс попросил ее развестись и к нему уйти, а она отказалась.

Мама задумчиво кивнула.

– Да, там такой накал страстей, аж воздух вокруг них потрескивает. Но почему она тогда к нему приехала? Это ведь не слишком порядочно.

Я принялась за них заступаться, меня несколько покоробили мамины инсинуации:

– Мам, мы ведь ничего о них не знаем. Может, мы просто ошибаемся? Ничего, кроме предположений. А это вещь неверная.

– Хорошо, спешить не будем. Но если Оливия станет моей невесткой, я буду только рада. Есть в ней что-то... – мама помолчала, выбирая слово и выдала: – чарующее.

– Притягательное, – озвучила я свое видение Оливии. – Думаю, она всем нравится. Сплошное очарование, а не женщина. Я такую впервые в жизни встречаю.

Вздыхнув, мама предложила:

– Ну что ж, будем держать кулаки на удачу. Больше мы в этой ситуации ничего для Макса сделать не можем.

Это было верно.

Уехала я накануне занятий, заваленная подарками и наставлениями. В первый день после каникул в группе было шумно. Отовсюду шел поток информации – кто и где побывал. Мне даже показалось, что каждый слышал только себя, потому что говорили все одновременно.

Посмотрела вокруг, Милославы не увидела. Вот и хорошо. Может, хоть язвить не станет. Она появилась перед самыми занятиями. Бледная и какая-то уж очень тихая. Мне ее даже жаль стало. Спросила у соседки Вики, что случилось. Беда какая-то, что ли?

Та округлила глаза и сказала:

– Точно, беда у нее, ты не знала? – я отрицательно мотнула головой. Она довольно продолжила, радуясь, что первой донесет до меня потрясающую новость: – Ее мамочку сняли. Перевели на должность заведующей отделом здравоохранения в захудалый район на север области. Теперь она там медицину на должную высоту поднимать будет.

Я даже не знала, что на это сказать. Поднимать медицину, которую сама же и развалила? Круто! Вот пусть теперь и попробует вывернуться, когда ни врачей, ни денег, зато придирчивых больных немеряно и несчитано. Да еще и отчитывается пусть по дурацкой статистике, которую сама же и внедряла. И от проверочек поотбивается, которыми врачей уже задолбали. И жалобы на себя почитает от неадекватных больных и их родственников.

– Как тебе такое наказание? – Вика никак не могла уgomониться. – Вот если бы функционеры от здравоохранения знали, что они все свои реформы на собственной шкуре опробуют, то сто раз бы думали, прежде чем гадости делать!

Преподаватель кинул на нас многообещающий взгляд, и она тут же замолкла. Еще бы, Геннадий Иванович и без нарушений дисциплины славился своей крайней придирчивостью, а уж нарушителям спуску вообще не давал. Мы немедля прикинулись образцами внимательности и послушания и устали на него преданными взглядами.

Едва прозвенел звонок, Милослава подорвалась и удрала. Я бы на ее месте сделала так же. Ведь кто она теперь без мощного мамочкиного прикрытия? Правильно, изгой. Поскольку умудрилась перессориться со всеми, с кем смогла. А смогла она многое.

Меня мучила странная мысль: Виктор пообещал разобраться с ее мамочкой перед отъездом. Так разобрался он или нет? Совпадение? Но какое-то уж больно странное. Я же знаю, как работает у нас телефонное право. Сняли-то Маквенко, как говорится, на ровном месте, никаких признаков не было. Да и новое назначение уж очень похоже на наказание. И почему она не отказалась? Ведь могла. Пригрозили? Ух, сколько вопросов, и ни на один нет ответа. Этак от любопытства помереть можно.

После отдыха втягиваться в круговерть учеба-работа было сложно, но я справилась. Не успела оглянуться, как наступила весна. Птички, ручьи, небо такое голубое. Хорошо. На учебу и на работу я стала ходить пешком. Быстрым шагом, по сторонам особо не поглядишь, но хоть воздухом подышу. Не совсем свежим, откуда в большом городе взяться свежему воздуху? Но все-таки не комнатным. Хоть ветерок чувствуется, теплый, приятный.

Обычным вечером шла на работу, торопясь, как всегда. На перекрестке прямо на моих глазах парень, поворачивая, не пропустил пешехода и наехал на него. Вернее, на нее. Женщина упала, парень выскочил из машины и навис над ней с кулаками. Обругал матом за то, что под колеса его машины сунулась.

Та лежала молча, видимо, здорово он ее шибанул, и смотрела на него затравленным взглядом.

Вот ведь гад! Я решительно достала телефон, вызвала скорую и полицию. Потом подошла к ним.

– Хватит! Я видела, что виноваты вы! Не надо было трепаться за рулем по телефону и на дорогу не смотреть! И замолчите немедленно!

Парень, явно южных кровей, не постеснялся бы и меня обложить со всех сторон и даже ударить, но тут к нам подошли еще люди. Среди них тоже оказались очевидцы происшествия, они начали возмущаться, и он заткнулся. Хотел сесть в машину и смотреть, но ему не дали.

Тут подъехали скорая и полиция. Начали составлять протокол и попросили очевидцев дать свои контакты. Я сказала и кто я, и номер телефона продиктовала. Потом убежала, и так опаздывала.

Через час мне позвонили из полиции, спросили, не смогу ли я подойти завтра для дачи показаний. Сказала, что нет. Пояснила, что учусь и работаю. Следователя – вот почему в русском языке нет вменяемых названий для женщин в мужской профессии? – пообещала прислать мне на работу оперативника в любое удобное для меня время. Я поразилась. Вот это сервис! Я о таком и не слыхала никогда.

Договорились встретиться с ним возле универа после занятий. Опер будет в штатском, чтоб не смущать народ. Ждать будет у главного корпуса на скамеечке. Прямо как встреча двух агентов из шпионского боевика!

На следующий день после занятий вышла из здания, увидела скромно стоящего у распускающейся липы мужчину с черной кожаной папкой в руках. Ага! Наши парни с гербовыми папочками не ходят – значит, это он.

Подошла, поздоровалась. Он окинул меня натренированным взглядом. Во взгляде мелькнуло было мужской интерес, но тут же сменился служебным рвением. Мы отошли к скамеечке, сели, и он принялся расспрашивать меня что и как.

Оказалось, что пострадавшей была Морозова Софья Валерьевна. Отвезли ее в областную клиническую больницу, то есть на мою работу. Интересно, почему? В городских мест не было, что ли? К нам обычно людей из области привозят.

После пятнадцати минут расспросов он написал протокол, дал мне его подписать и тогда заявил:

– Вообще-то это проформа. У нарушителя запись движения изъяли, у него видеорегистратор стоял. Протокол просто чтоб не рыпался.

Я только теперь задумалась, что же будет дальше.

– Меня что, в суд вызовут?

– Нет, зачем. Суда не будет. Он вину признал полностью, штраф заплатил, с потерпевшей договорился, убытки возместил. Даже извинился перед ней. В присутствии следователя, правда.

– Так зачем этот цирк, – не удержалась я от колкости, – если все утряслось?

– А чтоб было! – лукаво подмигнул он мне. – Если вдруг этот тип еще раз вздумает отчебучить что-то подобное, то пойдет по двум эпизодам, а не по одному. А это уже серьезно.

Он поднялся, распрощался и ушел. А я осталась. Мне нужно было подумать. Странное какое-то у нас правосудие. Хотя, возможно, потерпевшую запугали? И она на все согласилась. Мне она не показалась способной за себя постоять.

Хотя чего гадать? Раз ее положили к нам в травматологию, схожу и узнаю, что там такое.

Вечером было много работы, ночью не пойдешь, все спят, но в этот раз смена у меня была сутки, поэтому днем после тихого часа, когда начались посещения больных, я все-таки в свой перерыв отправилась в травматологию.

Морозова Софья Валерьевна лежала на третьем этаже. Охрана меня пропустила молча. Не потому, что знали, кто я, просто на мне была стандартная форма медсестры реанимации – зеленый костюм, шапочка и марлевая повязка. Повязку я спустила на шею, чтоб не мешалась – здесь можно. Ну и бейдж на груди, из него все понятно, кто я и откуда.

Зашла в стандартную палату на четырех. На крайней койке у окна сидела женщина с перевязанной рукой. Посмотрев на меня, она расплылась в удивленной улыбке. Узнала? Странно, обычно нас в униформе не узнают.

– Ой, это вы та милая девочка, что за меня перед сбившим меня водилой заступилась? Спасибо вам! А почему вы в таком наряде? Вы здесь работаете?

Я подошла, села рядом. Поздоровалась, представилась. И сразу спросила, почему она отказалась от обвинения. Она аж руками всплеснула.

– Да зачем же я буду судиться! Я вообще с судами никогда не связывалась! А Руслан мне сто тысяч дал. Я теперь всю мебель в квартире поменяю. Сын, правда, недоволен, он Руслана вообще побить хотел. Но я его отговорила. К чему драки? Ничего от них доброго нет. Да и пострадала я не сильно. Трещина только в запястье, упала неудачно, но почти уже и не болит.

В то, что драка ни к чему, я с ней была согласна. Она еще о чем-то говорила, а я уже поднялась.

– Мне пора. У меня дежурство сегодня, пора к себе.

Она засуетилась.

– Может быть, шоколадку? – спросила робко. – Или вот груш мне очень вкусных сын принес. А с работы йогурт. Не хотите?

Я отрицательно покачала головой. И почему врачей все стараются подкормить? Боятся, что голодают? Или просто наши люди сердобольные такие? Или сверхблагодарные?

– Нет-нет, спасибо, – решительно отказалась я. – Мне ничего не нужно. У меня и без того всего полно, сама съесть не успеваю.

Я не кривила душой – мне от наших больных столько подарков перепадало, аж неудобно. И ведь не откажешься, я пыталась. Так обижаются, будто в душу им плюешь. Нет, я понимаю: когда тебя с того света вытаскивают, благодарность фонтанирует, но я-то себя уж очень неловко при этом чувствую. Вот не умею я ни похвалы принимать спокойно, ни подарки, особенно за работу, за которую мне и так деньги платят, пусть и небольшие.

Пошла к выходу из палаты, стараясь быть как можно более незаметной. Протянула ладонь, берясь за ручку, но дверь распахнулась сама. В комнату, не глядя, вошел высокий парень. Естественно, мы столкнулись. Мне аж больно стало – грудь у него как из железа.

Я сделала шаг в сторону, по привычке извиняясь, хотя и не была виновата в столкновении. Он потрясенно молчал, но мне было не до реверансов. Попыталась его обойти, но он взял меня за плечи и изумленно воскликнул:

– Маша, – голос у него сел, болезненно захрипел, – Машенька!

Я подняла взгляд, и в лицо ударила кровь. Красовский! Я попыталась освободиться от ненужных мне рук, но он не дал. Так и застыл на пороге, забыв свои конечности на моих плечах. Мне нужно было к нему прикоснуться, чтоб оттолкнуть, но почему-то этого отчаянно не хотелось делать.

Замерла, глядя на него холодно и равнодушно. Красовский не смутился, вот еще! Да я этого и не ожидала: он не из тех, кто смущается от подобной ерунды. Он смотрел на меня так, будто хотел вобрать в себя всю, даже туфельки на низком каблуке.

Я усмехнулась про себя. Вот от таких пылких взглядов девчонки и тают. Конечно, так смотреть можно только на любимых. Но я-то знала, что это отточенная техника и ничего более. С его-то опытом изобразить что угодно проще пареной репы.

– Маша, – похоже, он не знал, что сказать, и заиклено повторял: – Маша...

В коридоре раздался громкий насмешливый бас:

– Хороша Маша, да не наша? – проходившего мимо больного заинтриговала развернувшаяся перед ним сцена.

Красовский резко повернулся, окинул мужика таким угрожающим взглядом, что тот миг посерьезнел и быстренько пошагал прочь, вяло бормоча:

– Да я чего, я ничего, – напомнив мне нашкодившего невзначай маленького мальчика.

Когда Леха повернулся ко мне, в его глазах еще бушевала ярость, быстро сменившаяся на тихий восторг. Вот умеет же, артист, блин! Ему бы в мелодрамах играть безнадежно влюбленных. Такой талантище пропадает!

В кармане зазвонил телефон. Я быстро ответила и услышала требовательный голос Власты Евгеньевны:

– Маша, быстро в отделение! Бегом!

Я решительно отшвырнула в сторону все так же перегораживающего дорогу Красовского и рванула по коридору. Если начальница говорит таким тоном, значит, случилось что-то крайне неприятное.

Так оно и оказалось. Привезли пострадавших в аварии. Сразу восемь человек. На трассе перевернулся рейсовый автобус. Некоторых сразу повезли в операционную, вызвав хирургов, несколько – к нам в реанимацию.

Думать о встрече с Красовским было некогда. Я металась вместе с другими, стараясь все успеть. Едва обработали новеньких, стали поступать больные после операции. Вот как так? Сел человек в автобус, был уверен, что все будет хорошо, и на тебе! А ведь там наверняка были и дети.

Узнавать не стала, душа и так болела. Надо научиться отодвигать от себя чужую боль, иначе быстро выгорю. Недаром врачи в большинстве своем циники. Особенно на таких участках, как мой.

После работы даже есть не хотелось, хотя за сутки я перекусила только раз. И уснуть не могла. Перед глазами кружились искаженные болью лица, в ушах стояли жалобные стоны, но все перебивал восторженный взгляд Красовского.

Попыталась расслабиться, считая овец на лугу. Бесполезно. Надо научиться медитировать. Говорят, помогает. Вот только сколько ни пробовала, не получается. Нужно найти хорошего учителя. Только вот где взять на это время?

На следующее дежурство ко мне пришла Софья Валерьевна с затравленным выражением лица. Она была похожа на серенькую мышку в своем сером спортивном костюме и дешевых кроссовках, тоже серых.

– Машенька, можно вас на минуточку? – боязливо спросила она, заглянув в ординаторскую.

Власта Евгеньевна махнула рукой, отпуская, и я вышла в коридор. В отличие от других отделений наш коридор пустовал, гулять по нему было некому. Я приглашающе кивнула на кушетку, и Софья Валерьевна опустилась на нее, скромно устроившись на самом краешке.

Я устроилась рядом, с опаской на нее поглядывая. Что сейчас последует? За сыночка заступаться будет? Очередную лапшу мне на уши вешать? Стоит ли мне вообще ее слушать? Не проще ли сослаться на дела и сбежать?

Но не смогла, уж очень заискивающий вид был у женщины. Да, такая в самом деле без руководства жить не может. Я встречала такого типа женщин. Ей нужно твердое мужское плечо рядом. И пусть оно, плечо это, будет вечно пьяным, грубым и ни в грош ее не ставящим, но зато рядом. Ведь что такое, по их мнению, баба без мужика? Да ничто.

Теперь понятно, почему Алексея дед с бабкой воспитывали. Потому что Софья Валерьевна личную жизнь устраивала. К таким беспомощным женщинам мужики липнут быстро, но так же быстро от них и линяют.

Потому что им с ними скучно. Бабы такого пошиба все прощают, угодить стараются незнамо как, да еще и вот таким заискивающим голоском, как Софья Валерьевна сейчас, зудят постоянно. Я бы на месте этих мужиков тоже удрала. Скучные из таких жены, хороши только в роли наемных няnek и домохозяек. Интересно, а кем мать Красовского работает?

– Машенька, вы уж на Лешу не сердитесь, пожалуйста! – начала она оправдательную речь, и я порадовалась за свою тонко развитую интуицию. Вот ведь знала, что так и будет! – Он с позапрошлого лета сам не свой ходит. Если он вас обидел чем, то он дурак, не спорю. Только вот не один он виноват. Его на свадьбе вся родня заклевала. Типа что он за мужик, если перед какой-то девахой так расстиляется. Вот гордость-то дурацкая в нем и разыграла.

Если она хотела смягчить меня, то это ей не удалось. Ведь, получается, он из-за тупых подначек к той девчонке полез? Доказать, что он крутой мачо? Нет, все-таки я правильно сделала, что решила о нем забыть. Не хочу больше ничего о нем знать!

– А так он ведь мальчик хороший, – занудно продолжала хвалить сыночка мать. – Он и готовить умеет, и по дому все своими руками мастерит, никого звать не надо и деньги платить. Только вот застенчивый он слишком...

Я аж рот от изумления приоткрыла. Застенчивый? Это мы о Лехе Красовском говорим? Точно? Я скептически посмотрела на собеседницу. Нет, врать она не умеет. В ее понимании сын и в самом деле был тихим скромным мальчиком. Вот что значит отдать собственного ребенка на воспитание родителям. Ничего-то о нем она не знает.

– Венька ему по пьяни-то и говорит: «Если ты нормальный мужик, то эта садоводка сама за тобой бегать должна, а не ты у нее в ногах валяться. Вот и докажи всем, что у тебя еще гордость есть». Вот Леша и доказал, а теперь сам не знает как жалеет. Наша родня вся давно уж покаялась, а толку что? Леша и в деревню больше не ездит, и знаясь с ними не знается.

Это она о чем говорит? Как-то я со своими мыслями из темы выпала. Да и какая разница? Пусть Красовского и подначивали, но должен же у него свой ум быть? А если ума нет, то жить с таким одно наказание.

Я принялась гипнотизировать двери ординаторской. Вот пусть кто-нибудь выйдет оттуда и скажет, что мне пора! Люди, спасите, ау!

Из ординаторской никто не вышел, но по коридору раздались уверенные шаги, и чей-то начальственный бас гулко произнес:

– И где здесь пострадавшие?

Софья Валерьевна спохватилась.

– Машенька, я побегу, а то вдруг вам попадет. Но я еще приду...

И я сорвалась, ответив гораздо жестче, чем следовало:

– Не нужно ко мне приходить, Софья Валерьевна. Я на работе. И с вашим сыном я ничего общего иметь не хочу. Так что говорить мне о нем не нужно. Если спросит обо мне, так это ему и передайте.

Она полными слез глазами посмотрела на меня, но я решительно встала и ушла в ординаторскую, чтобы уже через минуту пойти по палатам.

Осадок от этого разговора преследовал меня весь день. Вот как так можно послушать какого-то Веньку и поменять меня на легкодоступную шлюшку? Вывод один – я для него ничего не значила. С любимыми так не поступают. Значит, меня он не любил, болтал только о любви много.

Или думал, что погуляет втихаря, докажет мужикам, что он настоящий мачо и бабы для ничего не значат, что одна, что другая – все едино, а потом ко мне подкатит как ни в чем ни бывало? Тогда он подлец вдвойне.

Было горько за свою беспринципность, но пришлось признать, что если б не Вадька, привезший меня на свадьбу, где я своими глазами убедилась в нечистоплотности Красовского, я бы с ним давным-давно помирилась. И пусть я была зла на него за ругань после спасения мной

котенка, но он же великий артист, и убедить меня в том, что он за меня просто переволновался, ничего ему не стоило.

Не прощу.

Не хочу, чтоб мной играли. А тем более обманывали и пользовались.

Глава четвертая

На очередном дежурстве мне никак не удавалось успокоиться. Все казалось, что вот-вот снова заявится Софья Валерьевна и примется меня уговаривать, глядя своими глазами побитого щенка.

Даже мысль об этом была неприятна, а уж что ей отвечать, я и вовсе не знала. Тут нужна была жесткость, даже жестокость, которую я в себе вовсе не ощущала. Но смена подошла к концу, Софья Валерьевна не появилась, и я расслабилась. Ровно в восемь утра заторопилась домой. В универе занятия начинались со второй пары, и я успевала заскочить домой, переодеться и наскоро перекусить.

Я вприпрыжку бежала на трамвай, не глядя по сторонам, и на перерезавшего мне дорогу высокого парня не среагировала. Просто попыталась обогнуть и бежать дальше. Но он властно положил мне руку на плечо и глуховато проговорил:

– Маша, привет!

Даже не глядя, было ясно, что это Красовский. К моему негодованию, тело откликнулось само: руки похолодели, а вот кровь, наоборот, побежала по жилам раз в десять быстрее. Я только надеялась, что не покраснела, как маков цвет.

– Чего тебе? – я не хотела на него смотреть, поэтому упорно не поднимала глаз.

– Поговорить. Хотя бы пару минут! – он взмолился с уже подзабытой мной настойчивостью.

– Мне некогда. Я спешу! – а вот голос подвел. Дрогнул и как-то нехорошо задрезбезджал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.